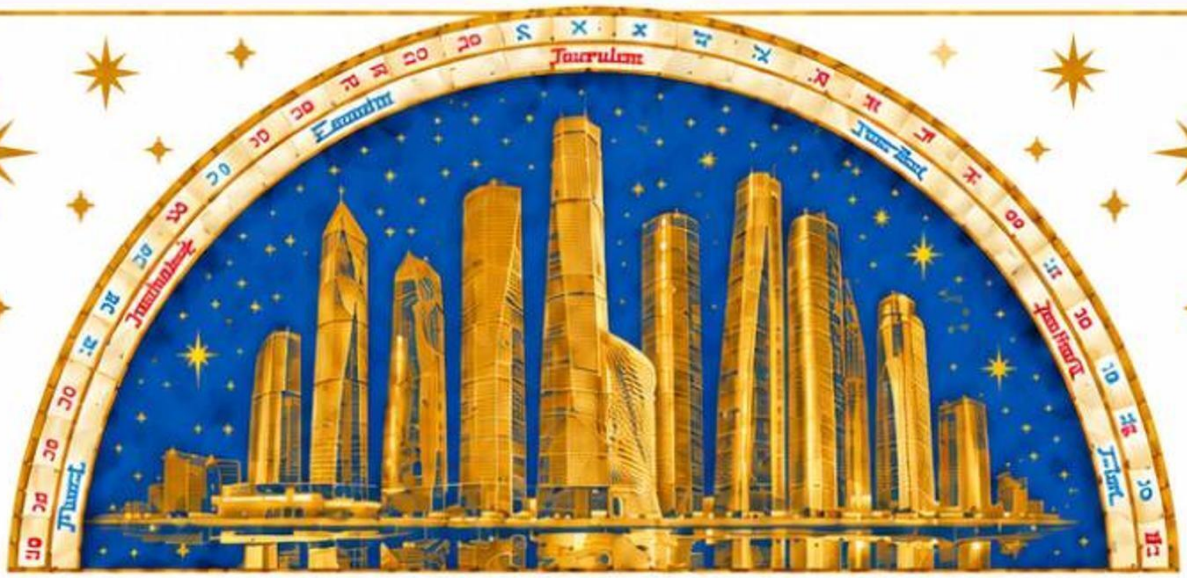

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК ИСКУССТВО

ДЕЛО ПЕРВОЕ

Падение Антареса

Мирослава Чайка

Преступление как искусство

Мирослава Чайка

Падение Антареса

«Автор»

2026

Чайка М.

Падение Антареса / М. Чайка — «Автор», 2026 — (Преступление как искусство)

Когда на яхте «Безмятежная» бесследно исчезает бизнесмен Фролов с командой, а на борту остаются лишь лужи крови, расследование поручают Марату Чадову. Нить ведет в академию «Антарес». Здесь, на факультете искусств, кто-то угрожает исполнительнице главной партии в балете «Баядерка». Но как эти преступления связаны? Марату придется разобраться. Под подозрением оказываются двое.Дима Соколов - миллионер и блогер, уставший от внимания поклонников и продажных чувств. Он сменил внешность и поступил в академию под чужим именем в надежде найти настоящую любовь. Вика Стронская - балерина, мечтающая вырваться из нищеты и стать примой любой ценой. Они должны были стать врагами. Но судьба делает их союзниками в деле, от которого стынет кровь.Чадову предстоит распутать клубок, где переплелись амбиции, тайны прошлого и страшная правда, спрятанная за фасадом академии.

© Чайка М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Мирослава Чайка
Падение Антареса

Глава

Падение Антареса или Баядерка *должна умереть*

1 глава
Побег

«Лифт G, этаж 51», – прозвучал монотонный женский голос и перед глазами Дмитрия открылась просторная кабина лифта, сияющая зеркальными поверхностями. Он сделал уверенный шаг внутрь, почувствовал позади аромат нишевых духов и стук каблуков. Обернулся.

– Добрый день.

– Добрый, – тяжело вздохнув и по привычке просканировав вошедшую следом девушку, выдавил из себя Дмитрий.

– 30К, – объявила она, поймав его изучающий взгляд и, посмотрев на стоящего у ног Дмитрия питомца, подмигнула, – в час.

Дмитрий молча отвернулся, – «типичный Сити», – подумал он и сморщил нос. Единственное, что его сейчас радовало, так это скорость лифта, сводившая пребывание наедине с эскортницей до полуминуты. Он крепко сжал в ладони ключи от автомобиля и мысленно восторжествовал – завтра в это же время он будет далеко от низменного величия элитных небоскребов. Всё останется позади: до умопомрачения надоевший кондиционированный воздух, выпячивание напоказ брендов, знакомые и незнакомые блогеры-миллионники, инфоцыгане и торгующие собой девицы. Всё это закончится…

Двери лифта открылись с тихим шипением. На прощание Дмитрий бросил, не глядя на девушку:

– Скажи ты 100К – и, возможно, я бы купился. Обожаю дорогие игрушки!

Его пальцы коснулись сенсорной панели на загривке бионической собаки. Механизм мягко вздохнул и бесшумно последовал за ним на тонких пружинящих ногах.

Лифтовый холл, декорированный сияющим керамогранитом, хранил могильную тишину, а высокая дверь апартаментов № 512 была слегка приоткрыта, обнажая тонкий луч солнечного света. Он замер на мгновение, что-то прикидывая в уме, а потом ещё раз взглянув на автомобильный ключ, потянул на себя холодную бронзовую ручку двери.

– Серёга, ты где? – озираясь по сторонам позвал Дмитрий, закладывая за уши волнистые пряди светлых волос, которые цеплялись за воротник модной льняной рубашки.

– Здесь я, – послышался напряжённый голос. Дима увидел друга в окружении гримёров, свет от лайтбокса подсвечивал крупное лицо. Его мясистые губы скривились в недовольной гримасе, – брат, что стряслось? У меня стрим через 10 минут. Шок-контент! Она меня обокрала.

– Кто она? – убирая из-под ног собаки лимонные корки, валявшиеся на глянцевом полу, осведомился Дмитрий.

– Кто? Кто! Домработница! Я снял всё на скрытую камеру, настоящий детектив. Залечу в реки1[1] только так. А когда представил ей доказательства и потребовал вернуть деньги, она

[1] Рекомендации – система, работающая по определённым алгоритмам соцсетей. Анализирует поведение пользователя и предлагает ему новый контент в соответствии с его интересами.

так стала причитать. Говорит, ей теперь придётся полгода работать, чтобы собрать нужную сумму, рыдала, типа дети её станут голодать… Ну, я, конечно, простил. Великодушие – это же новый хайп.

– Я тебе говорил, эта женщина слишком лилейна. В ней сразу чувствовался подвох.

– Ну и хорошо! Народ такое любит. Миллион просмотров мне обеспечен. Так что ты хотел сказать?

– Я уезжаю…

– Тогда поговорим, как вернёшься, две минуты до начала, мне нужно войти в образ.

– Я не вернусь, – совсем тихо добавил Дмитрий.

Серёжа уже не слушал. Бросил что-то помощнице, не глядя, натянул микрофон, будто доспехи. Перед камерой он обычно жевал куриную грудку – сухую, как его шутки, или потел в спортзале, доводя себя до предела, чтобы подписчики могли восхищаться его идеальным телом. Но они ругали его. Всегда. За слишком белые зубы, за безупречную укладку Аполлона, за часы, которые кричали о его успехе. Но Серёжа, как наивный ребёнок, все ещё верил, что однажды подписчики полюбят его.

Дима знал: этого не случится. Зрители не любили Серёжу. Они любили его ненавидеть. И это был обмен – выгодный, циничный, бесконечный. Серёжа продолжал играть эту роль, потому что другого выхода у него не было. Или он просто не хотел его искать, в отличие от Дмитрия.

В просторной комнате, где потолки взмывали вверх, а окна, будто ненасытные глаза, поглощали свет, воздух сгущался, как масляная краска на холсте. Напряжение висело, липкое и невыносимое. Дима, двадцатилетний Мистер Успех, Мистер Признание, Мистер Деньги, стоял посреди этого великолепия, как пустая скорлупа. Он нашёл всё, кроме себя. И это «кроме» било в виски, как молоток по стеклу.

Он двинулся к выходу, шаги гулко отдавались в пустоте, но у двери вдруг сник, опустился на диванчик – зелёный, как садовое яблоко. Лицо его залилось краской, пальцы, дрожащие и неуверенные, рвали пуговицы рубашки, будто ткань душила его. Воздух? Нет, не воздух. Что-то другое. Что-то, чего он не мог назвать требовалось ему.

И тут, как из ниоткуда, возник Серёжин стилист, существо из другого измерения, где всё пахнет лаком для волос и иронией.

– Депрессия или паническая атака? – спросил он, поправляя чёлку, которая и так лежала идеально.

Дима не ответил. Он просто сидел, чувствуя, как зелёный диван поглощает его, а мир вокруг становится всё более и более нереальным.

– Тоска душит, – наконец выдавил Дима, прислоняясь головой к прохладной стене.

– Котик, я посоветую тебе такого телесного психолога. Это настоящий космос! Мышцы расслабляются, страхи уходят.

– Спасибо, конечно, но мне нужно что-то кардинальней.

– Ботокс?

– Нет, Макс, свобода, любовь, искренность наконец!

– Может тебе ещё и фею Тинкер Белл2[2] позвать, – Макс хмыкнул и принялся разглядывать свой блестящий чёрный маникюр.

– Нет, но твоя помощь мне бы пригодилась! – неожиданно бодро заговорил Дима.

Макс оживился, его и без того блестящее от хайлайтера лицо просияло.

– Завтра я уезжаю в другой город, и ты должен сделать так, чтобы никто не узнал меня. Причёска, лицо и образ в целом, ну, что ты там ещё умеешь. Всё, что угодно, но к вечеру от DiMass не должно остаться и следа.

---

[2] Также известная как Динь-Динь, вымышленная фея из сказки Дж. Барри «Питер Пэн».

– О, божечки! Будет какой-то крутой контент! Я сейчас уписаюсь от восторга!

– Тише, тише ты! Не будет никого контента, ютуба, влогов, денег и фанатов. С этим покончено. Меня пригласили учиться в университет Антарес.

– Антарес? Это что-то типа Хогвартса? – глаза Макса округлились до предела.

– Да, только в реальном мире. Но это секрет, только между нами.

Макс испуганно зажал рот ухоженной рукой, украшенной множеством колец:

– Я совершенно не умею хранить секреты, – пробубнил он, не отнимая пальцев ото рта.

– Вот тебе мотивация, – Дима протянул Максу открытую ладонь, на которой красовались ключи от Феррари, – можешь гонять на ней сколько хочешь до моего возвращения, только переделай мне причёску и держи язык за зубами.

– Святая корова! Ты не шутишь?

– Нет, я принёс ключи Сержу, не хотел, чтобы машина просто пылилась на паркинге, моя девочка любит скорость. Но Серый меня продинамил, так что бери.

Макс потёр руки о кашемировую водолазку и с нескрываемым вожделением потянулся за ключами.

– А как же Ленчик? – неожиданно спросил он.

При этом вопросе Дмитрий так заметно вздрогнул и постеснявшись своей реакции, тут же поднялся, сделав несколько шагов по направлению к выходу. Духота в комнате и яркий солнечный свет забирали последние остатки сил. Ему бы сейчас выбежать прочь или хоть распахнуть окно и втянуть вечернюю прохладу столицы, но в Сити это недоступная роскошь, только маленькая решётка бризера в раме между огромных стеклопакетов.

– Она собрала подписчиц на очередной марафон желаний. Сказала, своей женской энергией или косой намерения остановит меня, и я откажусь от приглашения, которого ждал всю жизнь.

– Не коса намерения, а косица, – скривился пренебрежительно Макс, словно Дима перепутал Мане и Моне3[3].

– Да хоть смерть с косой, я еду в Антарес, и никто меня не остановит.

***

Умная колонка оповестила о необходимости открыть глаза и встать с постели в пять утра. Время, когда Дмитрий обычно только добирался до подушки, завершая очередную ночь, которая сливалась с остальными в бесконечный круговорот коктейлей, музыки и пустых разговоров. Но сегодня всё было иначе. Солнце, только что выкатившееся из-за горизонта, светило ему прямо в лицо, как будто насмехаясь: «Ну что, Дим, ты готов?».

Он первый раз, засыпая, не зашторил свою стеклянную стену, чтобы увидеть рассвет и в первый раз, вставая, чувствовал такую необычайную лёгкость. Казалось, впереди его ждёт удивительная история полная открытий и незабываемых приключений. Недавно он понял: он живёт чужую жизнь. Успех, деньги, признание – всё это было как дорогой костюм, который не сидит по фигуре. Он отказался от мечты где-то по пути, даже не заметив, как это случилось.

На столе лежал билет. Первый класс. Вылет в 8:05. Дима бросил на него взгляд, как будто это был не кусок бумаги, а портал в другую жизнь. Чемодан уже ждал: внутри находился бокс для бионического пса, папка с документами и футляр. Скрипка. Его скрипка.

Он провёл пальцами по гладкой поверхности инструмента. Её звали Лира. Да, он дал скрипке имя. Он назвал её так не из прихоти, она была его единственным правдивым голосом. Всё, что было в нём настоящего, всё, что он прятал от камер и толпы, он доверял только ей.

[3] Мане (Эдуард Мане) и Моне (Клод Моне) – французские художники-импрессионисты XIX века.

Дима усмехнулся – и как случилось, что бионическая собака и скрипка были его единственными настоящими друзьями?

Но теперь он стоял на пороге чего-то нового. Через несколько часов из известного блогера-миллионника он превратится в бедного музыканта с чемоданом и скрипкой. И, может быть, это будет лучшее, что могло с ним случиться.

Глубокий ящик комода с натёртой медной ручкой выкатился с трудом. Дмитрий небрежно кинул туда сим-карту из своего телефона, следом отправился и сам телефон последней модели уходящего года, примостившись между видеокамерами, планшетом и ноутбуком. Это были его кормильцы, предметы, вознесшие его на вершину славы. Теперь они выглядели бездушной горкой метала и пластика, запертых бездвижно в ящике как в гробу, в котором Дмитрий собирался похоронить и своё прежнее «я» по прозвищу DiMass.

«Славы хочешь? У меня попроси тогда совета. Только это западня, где ни радости, ни света», – пробубнил он себе под нос и шумно захлопнул ящик. Перевёл блуждающий взгляд на конверт с приглашением на стажировку – вот он настоящий билет на свободу. Антарес – элитный, инновационный университет, только для одарённых, ждал его, да именно его – Дмитрия Соколова, не DiMass, и это было страшно и захватывающе одновременно, как прыжок с парашютом. Даже лучше, как первый секс.

Дима взял чемодан, футляр с Лирой и вышел, не оглядываясь. Впереди была музыка. Настоящая. И, может быть, наконец-то, настоящая жизнь.

Холл первого этажа небоскрёба Нева Тауэр, в котором Дмитрий прожил три года, привычно встретил его нагромождением света, стекла и метала. Под потолком люстра с сотнями птиц, застывших в вечном полете, едва заметно покачивалась, словно насмехаясь над земной гравитацией. Слева, за стойкой ресепшена, две сотрудницы, похожие на сонных кукол, вяло перебирали бумаги. У входа охранники в синих костюмах и безупречно наутюженных рубашках лениво перебрасывались словами, будто их диалог был частью декорации. А в центре всего этого великолепия возвышался круглый диван – трон для тех, кто считал себя центром Вселенной.

Дмитрий собирался с наслаждением прошествовать через это пространство к выходу, представляя себя пришельцем, покидающим чужую планету, но, сделав несколько шагов, замер и открыл рот от удивления. На том самом диване, свернувшись в неудобной позе, спала его девушка Елена. Та самая Ленчик, которая на рассвете вместе со своими подругами читала позитивные аффирмации, мантры и бог знает, что ещё, чтобы предотвратить его отъезд.

Она лежала спиной к нему в белом топе на тонких бретелях и в джинсовых микро-шортах, таких крошечных, что виднелась часть её ягодиц. Белоснежные кеды с синей надписью Кристиан Диор, как два заблудших артефакта, валялись тут же на тонком ковре.

– Лена? Что ты здесь делаешь? – Дмитрий озадаченно посмотрел в сторону охранников, но те даже не шелохнулись. Им было всё равно. Елена была не гостьей, а жительницей дома. А жителям, как известно, можно всё.

– Я боялась пропустить твой отъезд, – протирая пальцами глаза и сдерживая зевоту пробормотала девушка.

Она поднялась, сунула ноги в кеды, заминая задники и прильнула к Дмитрию, обдавая тяжёлым ароматом удовых духов4[4]. Сегодня Лена казалась ему холодной и ровной словно начищенная водосточная труба. Правильные черты лица и подогнанная под стандарты красота не были её собственными. Дмитрий даже знал цену этих губ, тонкого носа и острого подбородка

[4] Элитная парфюмерия, созданная на основе удовой смолы (уда), которая добывается из агарового дерева. Аромат уда сложный и многогранный, с древесными, дымными, землистыми и даже нотами кожи или горечи.

и от этого почувствовал себя словно он не в настоящей жизни, а играет в неё в какой-нибудь компьютерной игре или того хуже – в театре марионеток.

– Незачем было приходить. Ты замёрзла, вон вся ледяная, – обхватив Ленино тело руками прохрипел он, не зная, что ещё добавить.

– Я пришла чтобы тебе сказать…Я хочу, чтобы ты знал, – стараясь поймать его взгляд быстро затараторила девушка, а когда их глаза встретились громко произнесла, – ты не можешь уехать, я же люблю тебя.

– Нет, Лена, это не любовь, скорее созависимость, или как там говорят твои модные психологи, – криво улыбнулся он и продолжил. – Я не отвечаю на твои звонки, езжу без тебя отдыхать, сплю с другими девушками, так что вряд ли ты можешь меня любить, ты просто боишься быть одна. А мне удобно, что кто-то всегда есть под рукой, вот и вся любовь, но сегодня это закончится.

Девушка старалась вникнуть в услышанное, она часто заморгала светлыми ресницами, сделала неуверенный шаг назад и переспросила:

– Что ты сказал?? Ты чудовище, – неожиданно завопила она. – Если бы те мальчишки, которые подкарауливают тебя на улице, чтобы сфоткаться, знали какой ты на самом деле DiMass, то не видать бы тебе миллионных просмотров и золотой кнопки ютуба5[5]. Потому что тебе на всех плевать! На всех! Кроме твоей проклятой скрипки.

Дима подумал, она сейчас разревётся и даже постарался её приобнять. Но Лена сжала побледневшие губы, свела брови, насколько позволял ботокс и, пнув его чемодан, резко повернулась и быстрым шагом направилась к лифту.

«Лифт А, этаж 45», – послышался металлический женский голос, но Дмитрий в этот момент уже ступил за пределы башни.

***

В это время, в одном южном порту, где воздух был пропитан запахом соли и свободы, небольшая яхта готовилась к отплытию. Трое парней и две девушки, словно герои какого-то забытого романа, сидели за столиком на корме, держа в руках миниатюрные чашки с кофе. Их взгляды лениво скользили по провианту и аквалангистскому оборудованию, которое грузили на борт.

Лёгкий ветерок, словно шутник, играл с полупрозрачными оборками платьев и широкими льняными штанинами, запутывал волосы и ласково касался их расслабленных лиц. Белый тент в синюю полоску то надувался, словно сердился на невидимого обидчика, то гулко хлопал, то вяло обвисал, будто устав от собственного каприза. А они, эти молодые, беспечные, развалились на кожаных диванах, как будто время для них остановилось.

– Как жаль… последний день лета, – проронила большеглазая шатенка с гибким, как лиана, телом. Она поправила широкополую шляпу, чтобы ветер не унёс её вместе с этим мгновением.

– Да ладно тебе, Вик, – ответил Толик, постукивая пальцами по пустому кофейнику. – Ты же знаешь, в этих краях лето кончается только тогда, когда перестаёшь верить в его бесконечность.

Он уже собирался за новой порцией кофе, но блондинка с длинными ногтями с нюдовым6[6] покрытием схватила его за запястье:

– Ты знаешь вон того парня? Того, что тащит акваланги? Это наш инструктор?

– Нет. Просто грузчик.

---

[5] Награда для авторов каналов на YouTube, которые достигли отметки в 1 миллион подписчиков.

[6] Цвет, имитирующий натуральные оттенки кожи, создавая эффект «наготы» (от англ. Nude – без вульгарности).

– Жаль… – она закатила глаза, словно представляя что-то сладкое и запретное. – Викуль, ты только посмотри – это же гора. Гора мышц.

Шатенка не повернула головы.

– Грузчики меня не интересуют. Я мечтаю о богатой жизни. Губы её дрогнули в подобии улыбки. – Перед отъездом пообещала маме норковую шубу. До пят. Лучше, чем у её начальницы.

Из тени раздался мягкий смех. Мужчина, до этого молчавший, зевнул:

– Брось, Вика. Ну сказала бы мне, что нужна шуба для матери, я всегда пекусь о стариках…

Его слова повисли в воздухе, как обещание, которое могло быть и правдой, и насмешкой.

– От тебя мне ничего не нужно, – сказала она, глядя куда-то за горизонт, где море сливалось с небом. – Я сама заработаю. Или удачно выйду замуж. Но у тебя, Фролов, ведь уже есть жена, не так ли?

Он усмехнулся, и тень от его густых ресниц скользнула по скулам.

– Как скажешь.

Блондинка перебила повисшее молчание, её голос звенел, как бокал с шампанским:

– Вик, ну пригласи же этого грузчика выйти с нами в море! Парни никогда тебе не отказывают.

Шатенка отвернулась, снова поправляя шляпу:

– Фу, нет. Он наверняка пахнет потом и дешёвым одеколоном, – в её голосе звучала та особенная брезгливость, которую можно вырастить в себе, только годами мечтая о чём-то большем.

– Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста… – блондинка растягивала слова, как жевательную резинку.

Толик скрестил руки, его тень легла на палубу резкой чертой:

– Он тебе откажет. Видела его взгляд? Этот тип явно не из тех, кто падок на томные вздохи.

– Ещё не родился мужчина, способный мне отказать, – фыркнула она, поправляя прядь волос, выбившуюся из-под шляпы. – Просто этот… не стоит усилий.

Тогда вмешался тот самый «защитник стариков». Он поднялся с дивана с изящной медлительностью, выдававшей в нём человека, привыкшего, что за его движениями наблюдают.

– Давай пари, – предложил он, и в его голосе зазвучала опасная игривость, за которой обычно скрывались либо большие деньги, либо большие проблемы. – Если он согласится – я покупаю шубу твоей матери. Если откажет… – он сделал паузу, доставая сигарету, – …я всё равно её куплю. Но тогда ты будешь мне должна… один маленький знак внимания.

Вика замерла на секунду, потом рассмеялась – коротко, беззвучно, будто это была всего лишь формальность перед капитуляцией.

– Ладно. Что с вами делать…

Она сняла шляпу и очки, её глаза оказались ярче, чем можно было предположить. Одна бретелька платья соскользнула с плеча, обнажив полоску бледной кожи. Шифон цвета розовой воды колыхнулся на ветру, когда она встряхнула волосами и неспешно направилась к грузчику. Её походка была исполнена изящества, лёгкие покачивания бёдрами напоминали не вульгарные телодвижения уличной кокетки, а сдержанную пластику балерины. Каждый шаг был явно отточен долгими годами у балетного станка, а не приобретён в подворотнях ночных кварталов.

Викторию окружал ореол легенд. Подруги шептались, будто она могла пленить любого мужчину, от парижского банкира до московского таксиста. Но сейчас, подходя к этому выгоревшему на солнце грузчику, она впервые почувствовала трепетную неуверенность, как перед выходом на чужую сцену.

Он стоял, как изваяние из выбеленного солнцем камня, бандана, некогда синяя, от многократных стирок, соли и солнца стала скорее серой, а его ресницы и брови выцвели до прозрачности, будто его годами вымачивали в морской соли.

– Je m'appelle Victoire… – начала она почему-то на французском, но тут же поправилась, чуть склонив голову в том изящном жесте, который делала её героиня в «Жизели». – То есть… Вика.

Грузчик выпрямился, и вытер лоб.

– Ну, привет, коль не шутишь, – его голос звучал низко, с вибрацией.

– Мы тут с ребятами в море выходим… – Вика сделала паузу, непроизвольно принимая третью позицию, – решили тебя пригласить. У нас гидроцикл есть и флайборд, ну и опять же акваланги, – проговорила она, махнув рукой на баллоны с кислородом, которые разгружал парень.

Она смотрела в его глаза с мнимой нежностью, будто всю жизнь ждала этой встречи. Её голос звучал как шёпот скрипки в полупустом концертном зале – нарочито тихо, чтобы заставить его наклониться ближе. Но он лишь скользнул взглядом по её босым ногам, по пальцам, заклеенным персиковым пластырем (остатки недавних репетиций), и бросил:

– Море ненавижу.

– Можно просто… сидеть на палубе, – её голос вдруг дрогнул, выдавая нервозность. – Пить коктейли. Или пиво, если вы…

– Не пью, – отрезал он, поворачиваясь к аквалангам с таким видом, будто они куда интереснее, чем любая девушка.

Виктория почувствовала, как по её спине пробежал холодок провала. Впервые за долгие годы её обаяние дало осечку.

– Écoute7[7]… – она сделала паузу, переводя дух. – Видишь тех людей за моей спиной? Они уверены, что я могу уговорить любого мужчину. Любого, – её губы дрогнули в подобии улыбки. – Ты же не станешь разрушать этот миф? Попроси что-нибудь взамен, и я исполню. Без вопросов.

Он стоял, подняв одну бровь – жест, одновременно выражавший и недоумение, и внезапно проснувшийся интерес. Так смотрят на неожиданно выигранную партию в покер.

– Хорошо, – согласился, потирая подбородок, где рыжая щетина отливала медью. – Но сначала – номер телефона.

Вика выдохнула с облегчением, слишком явным для опытной кокетки.

– Конечно! Записывай.

– Телефон на берегу, – он достал из-за уха замусоленный фломастер. – Пиши сама.

– На чём?

Он повернулся спиной, поднял майку.

– Здесь.

И тогда Вика увидела их – две багровые полосы вдоль позвоночника, словно следы от вырванных крыльев. Татуировка была настолько реалистичной, что на мгновение ей показалось, будто она чувствует запах крови.

Она написала номер дрожащей рукой, торопливо, прямо на левой лопатке.

– Готово. Как закончишь, присоединяйся к нам.

Она уже сделала шаг к своим зрителям, ощущая сладкий вкус победы, но его рука вдруг сомкнулась на её запястье.

– Постой. Ты слишком доверчива.

– Что?

– Я обманул, всё равно не пойду с вами в море.

---

[7] В переводе с франц. «послушай»

Она замерла, чувствуя, как гнев поднимается от пяток к вискам. Но прежде, чем успела дать пощёчину, он притянул её к себе, так резко, что её ступни на мгновение оторвались от палубы… он поцеловал ее прямо в губы.

За спиной раздались аплодисменты. Друзья Вики захлопали с тем особым энтузиазмом, с каким светские люди встречают скандальную развязку в третьем акте.

Для Вики, привыкшей к овациям, эти хлопки прозвучали фальшиво. Она резко отстранилась, будто обожглась, а по щекам разлилось горячее пятно стыда.

– Ну вот, – сказал он, и его голос вдруг потерял грубоватые нотки, обнажив странную мягкость. – Теперь твои друзья могут спать спокойно – их кумир по-прежнему непобедим.

Он улыбнулся неожиданно белоснежной улыбкой, слишком белой для докера.

– Я, Роберт, кстати.

Сунул маркер за ухо с жестом фокусника, завершающего номер, и ушёл. Ушёл небрежно, не оглядываясь, но с той неспешностью, которая заставляет смотреть вслед.

Глава 2
Зеркало для призрака

Город задыхался. Последний день лета висел в воздухе густым маревом, превращая тротуары в раскалённые сковородки, а небо – в выцветший кусок марли. Роберт – Берт для тех троих-четверых, кто имел право так его называть, брёл домой, машинально перебирая в памяти черты той странной девчонки. Её нарочитая грация, этот смешок, брошенный через плечо, раздражающе-театральные жесты… жесты, отточенные перед зеркалом. Девчонка из тех, что привыкли, чтобы мир вращался вокруг них.

Его коттедж, двухэтажный, с потемневшими от времени ставнями, прятался в глубине старого сада, на взгорке неподалёку от моря. Но берегом он не пошёл, хотя путь был короче.

Вместо этого свернул к железнодорожной станции, купил там пирожок – тёплый, с жирными пятнами на бумаге, и зашагал по аллее, где пальмовые листья шуршали над головой, а цветы олеандра, розовые и ядовитые, осыпались под ногами, как забытое конфетти после праздника.

Низкая деревянная калитка с почтовым ящиком посередине скрипнула, будто нехотя пропуская хозяина. У новой будки, ещё пахнущей деревом, старый пёс лениво поднял морду, махнул хвостом, скорее по привычке, чем от радости.

Из кустов крыжовника выскочили два котёнка – полосатые, наглые, тут же начали тереться о ноги Берта, оставляя на пыльных ботинках следы шерсти.

– Берт! – раздался с крыльца резкий голос.

Девушка в пёстром переднике стояла, уперев руки в бока. Щеки её раскраснелись, то ли от тяжелой работы, то ли от досады.

– Ну как можно быть таким несносным? Я звонила тебе тысячу раз! Зачем телефон отключил?

– Не отключал, – равнодушно ответил он, проходя мимо и чмокнув её в щеку мимоходом. – Разрядился. Что нового?

– О, теперь вспомнил! – она фыркнула и, забежав в дом следом за ним, тут же засуетилась у плиты. – Бригадир приходил. Крышу смотрел. Говорит, она у нас огромная, да ещё и вальмовая, лаги прогнили… В общем, материалы с работой – миллион сто.

Берт присвистнул.

– Весь наш летний заработок. А я-то котёл новый присмотрел…

– Цены нынче хоть святых выноси, – проворчала девушка, отворачиваясь к плите. – Иди мойся, а то смотреть страшно – оброс, как снежный человек. Да сними уже эту жуткую тряпку с головы, прямо бандит с большой дороги.

Берт одним движением стянул полинявшую бандану, высвобождая копну золотистых волос, и направился к ванной, по пути снимая потрёпанную футболку.

– А ну постой! Ты что сделал себе новое тату? – возмущённо вскрикнула девушка, бросив на стол кухонное полотенце. – Мы же договорились экономить каждую копейку, чтобы дом поднять из руин, а ты тратишься на всякую ерунду.

– Да какое ещё тату, с чего ты взяла?

– Ну вот же, цифры на спине.

Берт усмехнулся, разворачиваясь к зеркалу, его плечи, слишком широкие для этой тесной комнаты, задели сервант, заставив хрусталь мелодично звякнуть.

– Это не тату, Алина, – сказал он, касаясь спины. – Просто маркер. Номер одной… ну, девушки.

– Только не говори, что влюбился! – Алина закатила глаза с преувеличенным ужасом. – Нам сейчас этого только не хватало.

– Наоборот, – он провёл рукой по лицу, – я повёл себя отвратительно. Обманул её. Теперь даже совесть мучает.

– И она… написала свой номер на твоей спине?

– Угу.

Алина вдруг звонко рассмеялась, как школьница, – и толкнула брата в плечо:

– Да там просто цифры от одного до девяти! Это она тебя надула, а не ты её! Так что твоя совесть может быть спокойна.

– Ах вот как… – Берт усмехнулся, но в его глазах вспыхнул неожиданный интерес. Подмигнув сестре, он направился в душ, бормоча себе под нос:

– Ну что ж, Виктория – любительница морских прогулок, теперь я тебя точно разыщу и без номера телефона.

***

Утро первого сентября выдалось солнечным, но в доме Берта царила странная, гнетущая тишина. Алина с рассвета возилась на террасе – поливала лаванду в кашпо, развешивала герань на балюстраде, срезала несколько веточек для букета. Потом накрыла на стол, поправляя складки своего старенького, но затейливо скроенного платья, и украдкой взглянула на брата.

Берт сидел, угрюмо ковыряя вилкой в глазунье. Сегодня он был неузнаваем – гладко выбритый, с аккуратно зачёсанными назад волосами, в белоснежной футболке, обтягивающей мощное тело. И эти очки в золотой оправе, неестественно смотревшиеся на его лице, привыкшем к морскому ветру, придавали ему вид профессора, хотя ещё вчера он таскал ящики в порту.

– Ненавижу этот день, – наконец сказала Алина. – Тоска. Помнишь, как раньше было? – голос её дрогнул. – Весь дом наполнялся смехом, пахло праздничным тортом, мама сияла… А теперь… – она резко оборвала фразу, будто слова обжигали горло.

Тишина, накрывшая комнату, словно пепел – безжизненная и безвозвратная. Даже воздух казался мёртвым.

– Что? – Берт поднял на неё пустой взгляд.

– Ты меня вообще не слушаешь! – она сжала губы. – В последнее время с тобой невозможно разговаривать. То ты грузчик, то таксист… Мама бы сгорела со стыда, узнав, что ты бросил магистратуру.

– Она сгорела бы со стыда, увидев, в каком состоянии наша крыша после урагана.

Алина резко откусила кусок пирога, раздражённо жуя. Потом, понизив голос, сказала:

– Тебе нужно принять предложение Жданова. Вернуться в университет.

Но Берт уже был на взводе. Его глаза вспыхнули.

– Не беси меня, Алинка. Ты что, не понимаешь? Жданов просто пытается отвлечь меня от расследования.

– Какое ещё расследование? – она покраснела, голос её дрожал. – Мама не вернётся! Тягун её утащил, понимаешь? Она утонула!

– Замолчи! – Берт резко вскочил, но Алина схватила его за руку.

– Нет, ты никуда не пойдёшь. Дальше так продолжаться не может. Следствие закончено. Ты должен жить дальше, Берт! Слышишь, отпусти её!

Он упёрся локтями в стол, сжал голову руками, словно пытаясь удержать что-то внутри. Потом глухо прошептал:

– Я не верю Жданову. Ты думаешь он просто так настаивает на моём возвращении в Антарес? Он хочет держать меня под контролем. Но я узнаю правду, чего бы мне это ни стоило. Тело так и не нашли, Алина. Почему все молчат? Она вернётся. Я знаю.

Алина отвернулась. Перед террасой раскинулся розарий. Большие кусты жёлтых и белых роз заполнили всё пространство до самой ограды. Пустота внутри Алины росла, разливалась, как чернильное пятно. Если бы она могла заплакать, возможно, стало бы легче. Но с тех пор, как исчезла мама, слёз не было, будто они высохли вместе с надеждой.

Она глубоко вздохнула и сказала, стараясь, чтобы голос звучал мягче:

– Берт, тебе нужно примириться и попрощаться.

В ответ он швырнул вилку на тарелку. Фарфор звонко треснул, расколовшись пополам. Алине показалось, что в её груди что-то тоже надломилось – резкая, жгучая боль. Она поморщилась, а Берт, стиснув зубы, схватил секатор и крупными шагами направился к розам.

Алина медленно поднялась на второй этаж. Ноги дрожали, в висках стучало. Её светлая спальня, в прованском стиле, когда-то такая уютная, теперь казалась чужой. Она хотела лечь, закрыть глаза, забыться, отгоняя от себя мысли о дне рождения исчезнувшей матери, но вместо этого подошла к окну и, с трудом сглатывая комок в горле, уставилась на жуткую картину.

Внизу, на бетонном волнорезе, сидел Берт. Рядом – груда только что срезанных роз. Он брал их по одной, бросал в воду. Белые, жёлтые, розовые, они плыли по гладкой поверхности, качались на едва заметных волнах, а потом медленно тонули.

Как надежда.

Как всё, что когда-то было важным.

***

В это время в небольшой, но уютной профессорской, затянутой мягким светом настольных ламп, собрались трое. Воздух был наполнен ароматом полированного дерева, кожи книжных переплётов и едва уловимого запаха кофе, оставшегося в чашках. Проректор Жданов, высокий, с седыми висками и вечно поднятой бровью, сидел в кресле у холодного камина, держа в руках список новоприбывших. Его коллега, Двужильная Зоя Александровна, женщина строгая, но с неизменной теплотой в глазах, разбирала ноты на рояле. Третий, Маэстро Розенталь, профессор с репутацией педанта, стоял у окна, наблюдая за студентами, которые неспешно прогуливались по внутреннему двору.

– Ну что, господин Жданов, – начала Двужильная, не отрываясь от нот, – какие они, наши новые надежды? Или, быть может, разочарования?

Жданов усмехнулся, проводя пальцем по списку.

– О, Зоя Александровна, вы так скептичны. Молодость – это всегда надежда. Я так понимаю кафедры генетики и искусственного интеллекта вас мало интересуют, а что касается кафедры искусств. Вот, к примеру, Дмитрий Соколов – новенький. Скрипач. Говорят, его игра способна растрогать даже камни. Хотя, – он сделал паузу, – камни, конечно, молчат, так что проверить сложно.

– Камни молчат, но критики – никогда, – сухо заметил Розенталь, не отрываясь от окна. – А вот этот молодой человек, – он кивнул в сторону двора, – который сейчас пытается балан-

сировать на краю фонтана, похоже, уже считает себя новым Нижинским8[8]. Боюсь, его ждёт разочарование, когда он обнаружит, что гравитация всё ещё существует.

Двужильная фыркнула, но в её глазах вспыхнул огонёк интереса.

– Вы слишком строги, Розенталь. Молодость должна быть немного беспечной. Иначе, зачем вообще заниматься искусством? Но, господин Жданов, что насчёт балерин? Есть ли среди них те, кто сможет выдержать наш… хм, скажем так, строгий подход?

Жданов задумался, перелистывая страницы.

– Есть одна. Виктория Стронская. Её техника безупречна, а страсть к танцу сравнима разве что с её же упрямством. Но, – он поднял взгляд, – упрямство, как вы знаете, может быть как благословением, так и проклятием.

– Упрямство, – вставил Розенталь, наконец отходя от окна, – это то, что заставляет их стоять у станка, пока ноги не откажут. Но это также то, что заставляет их игнорировать советы тех, кто знает больше. Надеюсь, эта Стронская научилась отличать одно от другого.

– Виктория Стронская, – вздохнула Двужильная, закрывая крышку рояля, – я её помню. Она улыбнулась, – есть что-то вдохновляющее в их наивности. Они ещё верят, что мир вращается вокруг них. И, возможно, именно эта вера делает их такими… интересными.

– И невыносимыми, – добавил Розенталь, – я не видел Стронскую во дворе.

– Видимо рейс из Владивостока задержали, – тихо произнёс Жданов, продолжая разглядывать список студентов в своих руках.

Конечно, в опоздании Виктории Стронской не был виноват Аэрофлот. Она прибыла в город ещё неделю назад и всё это время жила на яхте Фролова.

Она, уверенная в своём превосходстве над остальными участницами проекта, знала, что ей простят любой проступок, поэтому спокойно лежала на палубе яхты, раскинувшись, как кошка, которая нашла своё место под солнцем. Солнце ласкало её кожу, оставляя лёгкий розовый оттенок, будто природа сама решила добавить ей немного нежности. Ветер играл её волосами, разбрасывая их в беспорядке, но ей было всё равно. Она чувствовала себя свободной, как море вокруг, как небо, которое простиралось над ней безгранично.

Её глаза были закрыты, но она слышала каждый звук: крики чаек, плеск волн о борт яхты, тихий смех где-то вдалеке.

– Викуль, я сделал тебе коктейль, – его пальцы скользнули по её шее, длинной и гибкой, как у лебедя.

– Из чего? – не открывая глаз, спросила она. Губы дрогнули в ленивой улыбке.

– Персиковый сок и просекко.

– Нет, спасибо. Слишком калорийно. Я и так поправилась на твоей яхте.

– Но так нельзя, милая. Ты ничего не ешь, – его голос звучал мягко, но настойчиво. – Сегодня я видел, как ты жевала шоколадные эклеры и… выплёвывала их за борт. Это ненормально. Скоро у тебя не останется сил даже на любовь.

– Глупости, – рассмеялась Вика, прикрывая лицо шляпой. – На это у меня всегда найдутся силы.

Она чувствовала, как тепло разливается по телу при одной только мысли о сексе.

Они познакомились год назад, во время её гастролей. Яхта, шампанское, шёлковые простыни… она мечтала стать его женой. Но он уже был женат.

И Вика поклялась себе, что больше никогда не повторит этой ошибки.

Но едва сошла с трапа, набрала его номер.

---

[8] Вацлав Фомич Нижинский – русский танцовщик и хореограф польского происхождения, новатор танца. Один из ведущих участников Русского балета Дягилева.

Поскольку Фролов был единственным человеком в её жизни, который ничего от неё не требовал, а только давал. Он не заставлял её постоянно трудиться, оттачивать танцевальное мастерство, не ограничивал в еде, не будил до восхода солнца для занятий у балетного станка, а главное никогда не произносил слово «*выше*».

Это слово для Вики было самым ненавистным. Оно преследовало её всю жизнь. В шесть лет учительница хореографии, щёлкая костяшками пальцев по её подъёму, бросила матери: «Для балерины этого недостаточно. Нужен подъём выше».

И понеслось. «Подбородок – выше. Нога – выше. Батман – выше. Гран жете – выше. Выше, Вика! Ещё выше!» – этот рефрен звучал в её ушах даже во сне.

– Вика, перевернись, сгоришь.

Тёплые мужские губы вывели её из полудрёмы. Внутри потеплело – вот она, простая человеческая забота, которой ей так не хватало. Но он был женат, а роль любовницы напоминала ей вторые роли в кордебалете – всегда на замену, всегда в тени.

– Фролов… Мне нужно уехать, как только причалим.

– Жаль, – его голос не дрогнул.

– Занятия в «Антаресе» уже начались. Тебе, конечно, всё равно, но я приехала стать звездой.

Вика перевернулась на живот и снова задремала, оправдывая себя за связь с женатым тем, что ей всего лишь нужна была передышка. Целый год она трудилась, чтобы попасть на эту стажировку и теперь у неё есть грандиозный план. В котором всего два пункта, но зато каких: во-первых, получить главную роль в балетной постановке в Антаресе и по окончании стажировки отправиться в турне по Европе, где можно добиться приглашения в ведущие театры мира.

Во-вторых, найти доброго, обеспеченного мужчину, который бы взял на себя заботы о ней. Потому что прима не должна беспокоиться о хлебе насущном. Приме нужна надёжная гавань, где не услышишь: «Выше, ещё выше!».

Сон был сладким, как летний персик, но Виктория проснулась от холода. Дрожь. Ветер, солёный и резкий, трепал волосы. И эта странная темнота – ни солнца, ни облаков, только серое марево, нависшее над яхтой.

«Неужели проспала?» – подумала она, садясь и обхватывая колени.

Тишина. Слишком тихо.

– Эй, кэп! – её голос сорвался на крик. – Почему мы стоим? Мне же в «Антарес»!

Ни ответа, ни шороха. Она спустилась в кают-компанию, кутаясь в банный халат. Пусто.

– Что за чёрт, куда все подевались? Фролов, я спрашиваю, почему мы стоим!? А-ну-ка быстро поднимай якорь и заводи мотор, или как там это называется, – глядя на открытую дверь каюты капитана, прокричала Вика, уверенная, что её дружок мог просто-напросто завалиться спать. Но, к её удивлению, каюта была пуста – смятая постель, синий палантин, стопка документов. Бутылка минералки. Она сделала несколько жадных глотков и стремглав помчалась в рулевую рубку, надеясь там застать помощника своего друга, худого парня с вечно обиженным лицом – единственного члена экипажа, который вышел сегодня в море вместе с ними.

Дверь в рубку поддалась не сразу, но в тот момент, когда холодное массивное полотно покатилось, открывая взору хорошо знакомое пространство с приборными панелями и полированным штурвальным колесом девушка невольно вскрикнула и замерла с гримасой ужаса на обгоревшем на солнце лице. Прямо напротив двери на пустующем кресле капитана блестело яркое пятно кроваво-красного цвета, такие же пятна были растоптаны ботинками с грубым протектором на полу и недалеко от небольшого стеклянного холодильника.

С открытым ртом, тяжело дыша, Вика попятилась назад, а потом снова помчалась в кают-кампанию и плотно закрыла за собой дверь:

– Нет, нет, нет. Это всего лишь кетчуп или может густое вино! А может просто страшный сон. Ничего не случилось, – успокаивала себя Вика, озираясь по сторонам, словно ждала, что в любую секунду на неё кто-то может напасть. – Всё будет хорошо, это просто сон.

Паника охватила её, не давая здраво мыслить. Телефон дрожал в руках. Она набирала номер за номером – друзья, полиция, родители, не понимая, что связи нет. Слёзы текли по обожжённым щекам, солёные капли жгли волдыри от солнечных ожогов.

– Как я покажусь в «Антаресе» с таким лицом?

Вика выползла из-за дивана, прильнула к иллюминатору. Стуча зубами от страха и волнения она стала всматриваться в даль, пытаясь понять далеко ли яхта от берега. Туман. Густой, непроглядный и только бледный луч маяка, как стальной нож, резал темноту.

– Господи, в такую тьму в нас может кто-то врезаться!

Она бросилась к выключателю, споткнулась, упала. Колено заныло.

– Пять стадий принятия… Отрицание, гнев… Чёрт с ними! Действуй, Вика, – стала уговаривать себя девушка, – давай вставай, *выше* голову, выше! – произнесла она ненавистное, но побуждающее к борьбе слово.

Выскочив на палубу, чтобы зажечь фонарь на носу, Вика сделала несколько глубоких вдохов. Запах моря, йода, сырости. Заметив ещё одну дверь, которая вела в машинное отделение, девушка подумала, что осталось ещё одно не исследованное помещение, но пытаясь отпереть его, вдруг поняла, что луч маяка сместился.

Яхта не стояла на якоре. Она дрейфовала.

– Не может быть… – Вика прислонилась к стене, чувствуя, как холодный глянец обшивки впивается в спину. – Я здесь одна и меня уносит в море.

Глава 3
Смена декораций

Диме казалось, весь мир лежал у его ног. Он ощущал это каждой клеткой – вибрацию толпы, крики фанатов, шёпот за спиной: «Это же он!». Деньги текли рекой, подпитывая бесконечную гонку за новыми кайфами. Быстрее, выше, сильнее, ярче.

Но чем больше он получал, тем меньше чувствовал.

Первая пьяная ночь казалась приключением. Вторая – бунтом. К пятой он уже не помнил, почему вообще начал. Друзья сменялись, девушки цеплялись за его славу, а в голове гудел один и тот же вопрос: «Это всё?».

Слава – наркотик.

Она не убивает сразу. Она медленно разъедает душу, подменяя реальность дешёвым блеском. Дима пил, кутил, тратил бешеные суммы на вещи, которые наутро уже не радовали. А потом наступали дни, когда он просыпался в чужой квартире, с пустотой в груди и трясущимися руками.

Он нашёл старую запись – себя в двенадцать, играющего «Зиму» Вивальди. Чисто. Гениально. Без единой фальшивой ноты.

А потом взглянул в зеркало.

Отражение ухмылялось: красные глаза, татуировки, золотые грилзы9[9] на зубах. Клоун.

Говорили, что в Антаресе преподаёт маэстро – последний из великих.

– Ты опоздал на десять лет, – сказал маэстро, когда Дима пришёл на отбор.

– Я знаю, – ответил он. – Но если не сейчас, то никогда.

Старик рассмеялся.

[9] Съёмные декоративные накладки на зубы, которые изготавливаются индивидуально из драгоценных или других металлов, а также могут быть украшены камнями. Эпатажный аксессуар для определённого образа.

– Играй.

Когда смычок коснулся струн, произошло нечто необъяснимое. Пальцы Дмитрия, казалось, обернули время вспять, они скользили по грифу с той самой безупречной точностью, что когда-то приводила в восторг строгих консерваторских педагогов. Звук лился чистый, глубокий, будто не инструмент пел, а сама душа вырывалась наружу через эти четыре струны. Когда последняя нота замерла в воздухе, он опустил смычок, не решаясь поднять глаза. В груди колотилось что-то огромное и горячее, чего он не испытывал со времён своих первых побед.

– Чёрт возьми… – прошептал профессор, нарушая тишину. В его голосе читалось нечто среднее между изумлением и досадой.

Скрипку Дима не бросал никогда.

Даже в самые безумные ночи, когда мир расплывался в пелене дурмана, он брал её в руки, не всегда для того, чтобы играть, а просто чтобы почувствовать гриф под пальцами. Как будто это был единственный якорь, который ещё удерживал его от полного падения.

Он снова хотел увидеть в зеркале того мальчишку, который когда-то плакал от восторга, слушая Ойстраха10[10] и верил, что музыка может изменить мир, а не этого незнакомца с пустыми глазами.

И тогда он сделал единственное, что ещё могло его спасти. Он ушёл. Но не в очередной пресс-тур, не на модный детокс, а туда, где его никто не знал – в университет Антарес, затерянный среди южных улиц и ярких рассветов. Там не было папарацци, толп фанатов или модных пар кроссовок за сто тысяч. Там были ноты, просторные классы и старый профессор, который будто видел его насквозь.

Самолёт приземлился ровно в двенадцать ноль-ноль, когда солнце стояло в зените и раскалённый асфальт аэродрома дрожал в призрачном мареве. Через час Дмитрий уже стоял перед воротами кампуса Антарес с одним чемоданом в руке, вся его новая жизнь умещалась в двадцать три килограмма багажа.

Странное чувство – быть никем.

Он провёл ладонью по коротко стриженному затылку, где ещё вчера ниспадали золотистые локоны DiMass – кумира миллионов. Теперь его украшала лишь пепельная чёлка, закрывающая серые глаза – большие, умные, чуть грустные. Никто не оглянулся на него в аэропорту. Никто не прошептал: «Смотри, это же он!».

Свобода.

Его гардероб теперь состоял из дюжины одинаковых белых футболок, двух пар джоггеров и одного чёрного костюма для выступлений. Никаких брендов, никакой показухи. Только он и музыка.

32 000 рублей.

Смешная цифра. Вчера он оставлял столько за бутылку вина в «Москва-Сити». Сегодня – это его стипендия и месячный бюджет.

Вызов.

Он улыбнулся, распаковывая вещи в общежитии. Часы Patek Philippe? В банковской ячейке. Кольцо Cartier? Там же. Всё, что связывало его с прошлой жизнью, теперь хранилось под сталью и кодами.

Но одна вещь всё же просочилась в его новую реальность.

На дне чемодана, аккуратно уложенный в пластиковый контейнер, лежал Бас – бионическая собака. Зачем оставил Баса, объяснить себе Дима не смог, может хотелось сохранить частичку прошлой жизни, а может он возомнил его настоящим питомцем, а питомца разве оставишь без присмотра?

---

[10] Давид Фёдорович Ойстрах – советский скрипач, альтист, дирижёр, педагог. Народный артист СССР.

– Идиот, – пробормотал он, распахивая окно. Полуденное солнце ударило в глаза, заставив на мгновение зажмуриться.

А потом – горы. Величественные, покрытые сизым маревом летнего зноя. Они стояли нерушимой стеной, древние, как сама земля. А между ними, в просвете сосновых ветвей, узкая полоска моря.

Из соседней комнаты донеслись звуки английского рожка. Это была «Весна священная» – сложнейший пассаж, который Дмитрий когда-то пытался играть на скрипке и забросил. А сейчас кто-то играл его с такой лёгкостью, будто это детская песенка.

Солнце пригревало лицо. Где-то внизу смеялись студенты. Ветер принёс запах нагретой хвои и моря. И Дмитрий вдруг понял: он счастлив. По-настоящему.

Следующее утро снова встретило его обманчиво мягким солнцем и запахом свежескошенной травы, слишком идиллично для дня, когда ему предстояло пешком тащиться в университет.

«Тридцать две тысячи стипендия. Ни машины, ни такси. Какой-то мазохизм», – мысленно бубнил он, чувствуя, как рубашка прилипает к спине. Основной ориентир, возле которого располагался главный корпус университета – дворец спорта с его поющими фонтанами маячил впереди, но расстояние, кажущееся небольшим на карте, превращалось в настоящий марш-бросок для человека, последние три года передвигавшегося исключительно на Феррари. Он мысленно ругал жесткие простыни общежития, дешёвый матрас и собственную забывчивость: ортопедическую подушку с эффектом памяти он, конечно, оставил в московской квартире.

Но когда автоматические двери университета бесшумно разъехались перед ним, все эти мелкие неудобства мгновенно забылись.

Пространство, открывшееся его взгляду, было устроено с той расточительной щедростью, на которую способны лишь учреждения, не считающие деньги. Высота потолков вызывала лёгкое головокружение. Стеклянные стены лабораторий напоминали аквариумы, где вместо рыб плавали причудливые механизмы. Макеты космических аппаратов замерли в изящном бездействии.

Дмитрий, искушённый путешественник и обитатель московских небоскрёбов, считавший себя человеком, которого уже ничем не удивишь, замер в немом изумлении перед открывшейся панорамой.

«Любопытно, – подумал он, – сколько всё это стоило и кто за это заплатил». Он шагнул на эскалатор, озираясь по сторонам, когда что-то больно ударило его между лопаток.

Обернувшись, он увидел молодого человека, сражающегося с огромным футляром.

– Тысяча извинений, милостивый государь, – пробормотал незнакомец. – Виолончель – не самый удобный спутник.

– Ты выступаешь сегодня? – поинтересовался Дмитрий, отмечая про себя, что «милостивый государь» в устах двадцатилетнего звучит странновато.

– Увы, нет. Мой сосед по комнате, кажется, вообразил себя постояльцем «Ритца». Забрал оба ключа от комнаты. Пришлось оставить вещи у двери, но инструмент, я, естественно, оставить не мог.

В его голосе не было злости, лишь усталая покорность судьбе, что так характерна для музыкантов, вынужденных таскать свои инструменты через все жизненные неудобства.

Дмитрий криво усмехнулся.

– Ты правда думаешь, кто-то позарится на виолончель?

– А вдруг я, как Паганини, душу за неё дьяволу продал? – блеснув очками в пластиковой оправе, парировал собеседник.

Его внешность была до смешного нелепой – два огромных передних зуба, веснушчатый нос, прилизанные волосы. Настоящий кролик из детской сказки. Только вместо морковки – громоздкий футляр с инструментом.

– С соседом тебе явно не повезло, – заметил Дмитрий. – Может он сидит на какой-то дури?

– Бьюсь об заклад, он просто чудак, – вытирая пот со лба, процедил «кролик».

Молодые люди переглянулись. В воздухе повисло неловкое молчание.

– Ты сказал «дурь»? – насторожился виолончелист.

– А ты – «бьюсь об заклад»? – Дмитрий едва сдержал смех.

В кармане брюк его пальцы наткнулись на две пластиковые карточки-ключи от комнаты общежития. Холодный укол стыда пронзил грудь.

– В каком ты номере? – спросил он, стараясь звучать непринуждённо.

– В 336-м. Виктор Зорин.

Дмитрий почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

– Дмитрий Соколов. И… кажется, я тот самый чудак-сосед.

Он хотел добавить что-то о своей московской квартире, о запасных ключах для друзей, но вовремя сжал губы. Влажный от пота воротник рубашки неприятно лип к шее, а мучительная жажда огорчала его всё больше и больше. Праздно болтать не хотелось. И как ни старался он гнать от себя эти мысли, как ни хмурил брови, избалованный организм требовал своё. Дмитрий ускорил шаг. Жажда становилась невыносимой. В баре у входа маячили ряды запотевших бутылок с водой и фужеры с шампанским. Тысяча рублей в кармане казалась насмешкой.

– Хотя бы кондиционеры бесплатные, – пробормотал он, подставляя лицо потоку холодного воздуха.

Зал был переполнен. Пришлось ютиться в последнем ряду – унизительно для человека, привыкшего к VIP-ложам. Открывал концерт струнный квартет. Зорин, пристроив виолончель между ног сель рядом с Дмитрием и, достав из кармана кружевное жабо, с важным видом водрузил его на шею.

– Сейчас скрипка запнётся, – прошептал он.

– С чего ты взял?

– Это моя сестра. У нас как у Штраусов – я талантливый, а она знаменитая.

Дмитрий молча наблюдал, как юноша с комичной внешностью и огромным самомнением бережно обнимает свою виолончель. В этом странном создании было что-то… обезоруживающее.

На сцене зазвучали первые ноты. Где-то в глубине души что-то дрогнуло.

Так начиналась его новая жизнь.

Глава 4
Тот, кто прячется в саду

В доме Никитиных наступило затишье. Берт, человек привычки, заперся в спальне и погрузился в крепкий, безмятежный сон, что свойственен людям физического труда перед ночной сменой.

Алина же, оставив семейные дрязги позади, отправилась собирать виноград. Каменистый склон, по которому она спускалась к морю, был крут и неровен. Лёгкий сарафан, развевался на ветру, а дешевое пластиковое ведёрко, купленное в соседней деревне, постукивало о бедро в такт шагам. Она напевала старинную балладу, но мысли её были заняты романтическими грёзами.

– Ах, и почему меня родители назвали Алиной, – вслух рассуждала она, ловко орудуя кривым ножом, – вот если бы я была Ассоль, то точно бы встретила Грея, а так даже самого затрапезного воздыхателя не видно на горизонте.

Она опустилась на большой тёплый камень, отполированный ею до блеска за долгие годы. В семь лет она рассказывала ему о первых победах. В двенадцать – о первых слезах. Сейчас – о том, что даже в девятнадцать ничего не изменилось. Подруг у Алины не было. Слишком уж отличалась она от других девушек в округе – своенравная, мечтательная, странная в своей прямоте.

Алина нежно погладила нагретый солнцем камень, бросая в рот виноградину за виноградиной.

– Ну что, старина, – прошептала она, – опять никаких алых парусов. Лишь жалкая надувная лодка с каким-то скрюченным рыбаком. И зачем он только сюда направляется. Здесь же можно напороться на камни!?

Судьба рыбака явно заинтересовала Алину. Она даже отставила в сторону ведерко с виноградом, а когда поняла, что вместо рыбака в лодке сидит девушка с длинными темными волосами, то и вовсе поднялась, и медленно направилась к хлипкой изгороди, отгораживающей их участок от каменистого берега.

– Так, так, так… Интересненькое дело, – разговаривала сама с собой Алина, подходя ближе к ограде.

То, что происходило дальше и вовсе повергло Алину в шок. Девушка выбралась из лодки, на которой можно было без труда прочитать название «Безмятежная», огляделась, как испуганный зверёк, нет, даже можно сказать, как загнанный зверь, вытащила лодку на берег. Затем резким движением вонзила кухонный нож в борт лодки. Раз. Два. Три.

Алина наблюдала, как лодка испускала дух с хриплым вздохом.

Только сейчас она поняла, почему так странно выглядела непрошенная гостья. На ней был надет белый изрядно перепачканный банный халат, из ткани точь-в-точь как Алинины вафельные кухонные полотенца. Ну кто, скажите на милость, станет отправляться в плаванье на надувной лодке в белом халате? Впрочем то, что девушка была так странно одета, явно давало понять, что она спасалась или сбежала с какого-нибудь лайнера или большой яхты.

Когда изгородь безжалостно была завалена и на территорию виноградника Никиткиных стала протискиваться мокрая, порезанная, скрученная в уродливый валик надувная лодка, а следом на песчаный грунт ступили босые ноги незнакомки, Алина спряталась за раскидистый куст кизила и, стараясь не слушать быстро бьющееся сердце, придумывала план возвращения в дом. Но когда эти стройные, но всё же чужие ноги прошествовали к старому кусту Муската, она почувствовала боевой дух и сжала руки в кулаки. Потом, словно Маугли, выскочила из укрытия и вцепилась девушке в руку:

– Не смей, трогать дедов виноград! Слышишь?! Воровка! Этот Мускат – семейная реликвия! Сейчас полицию вызову!

Незнакомка ахнула, шлёпнувшись на землю. Нож с глухим стуком выпал из её ослабевших пальцев.

– П-пожалуйста… – она задыхалась, – не звоните…

В её глазах читался не просто страх. Ужас. её лицо, грудь и руки были сплошь покрыты солнечными ожогами. Некоторые волдыри уже лопнули и из них сочилась липкая сукровица. Ногти с остатками дорого маникюра сломаны, заветренные спутанные волосы прилипли к кровоточащим потрескавшимся губам и лихорадочно бегающие глаза ясно давали понять, что она не грабитель, а жертва.

«Пожалуйста, не надо полиции», – последнее, что успела едва слышно прошептать незнакомка, прежде чем её глаза закатились, а тело обмякло на песчаной земле виноградника.

Алина замерла на мгновение, затем, с внезапной решимостью, схватила ржавый ковш у бочки для полива. Тёплая застоявшаяся вода стекала по подбородку незнакомки, когда та пришла в себя и, издав еле слышный стон, припала губами к ковшу. То, как жадно она принялась глотать остатки влаги, выглядело чудовищно.

– Постой, постой! Её нельзя пить, это для полива, – затараторила Алина, неожиданно проникшись к девушке жалостью. Её пальцы непроизвольно сжали тонкое запястье незнакомки. – Пойдём в дом. Там есть чистая вода. И еда. И… ну, вообще всё необходимое.

Но девушка лишь мотала головой, её красивые, миндалевидные глаза, такие живые для этого измождённого лица, метнулись по сторонам, а губы задрожали:

– Нельзя… Лодка… Антарес… – каждое слово давалось ей с усилием, будто она говорила сквозь толщу воды.

Алина вздохнула. В её голубых глазах мелькнуло что-то между раздражением и неожиданной нежностью. Она всегда была слишком добра к бродячим кошкам и сломанным вещам. А эта девушка выглядела одновременно и как та, и как другая.

Алина дотронулась до её лба и раздосадованно покачала головой.

– Да у тебя жар, какой же тут Антарес. Пошли в дом. Нужно принять душ и переодеться, ожоги кефиром намазать. Меня Алиной зовут, а тебя?

Незнакомка отвернулась. Её длинные пальцы нервно сжали борт надувной лодки:

– Ты добрая, – произнесла она вдруг, и в голосе прозвучала та особая интонация, которая бывает у людей, не привыкших к доброте. – Ты умеешь хранить тайны?

Алина кивнула, не спрашивая подробностей. В её мире секреты были обычным делом.

– Лодку нужно спрятать, – голос незнакомки дрожал, но в её глазах горел странный огонь.

– Летний душ, – быстро предложила Алина. – Спрячем лодку там, а ночью закопаем. Только не под дедовым Мускатом.

– А я могу… помыться там же? – неуверенно спросила девушка, будто боялась даже этой маленькой милости, – не хочу беспокоить твою семью.

Алина опустила глаза:

– Мы вдвоём с братом живём. Он сейчас спит перед ночной сменой, а спит он как мертвец. Так что можем пройти в дом.

Она хотела добавить про Антарес, про свою новую работу костюмером там и что девушке нет смысла скрывать своё имя, но сдержалась. Вместо этого спросила:

– Ты балерина?

Уголки губ незнакомки дрогнули в подобии улыбки, когда она ступила на тёплые доски террасы, но от ответа она уклонилась:

– Почему ты так решила?

Девушка пила воду из фаянсовой чашки с такой жадностью, что это почти пугало. Громкие глотки разрывали тишину кухни.

– У меня есть котлеты… – начала Алина и тут же закусила губу. – Хотя, наверное, балеринам нельзя котлет?

– Можно и котлеты, но мне лучше изюм, – ответила незнакомка, втирая жёлтую мазь в ожоги. Её движения были неуверенными. – Знаешь, я не голодна. Мне бы поспать… Где-нибудь, куда твой брат не зайдёт. Может, в кладовке или чулане?

Алина тяжело вздохнула. В этом вздохе была целая история. Она взяла девушку за руку – та была холодной и липкой от мази.

– Пойдём, – сказала она умиротворенно. – Я отведу тебя в комнату, куда брат не заходит.

– Что это за комната? – спросила незнакомка, и в её голосе впервые появилось что-то похожее на интерес.

– Это мамина комната, – сказала Алина просто. – Она исчезла прошлым летом. С тех пор брат туда ни ногой.

– Мне жаль… – прошептала гостья.

– Так как мне тебя называть?

– Я Вика, – словно против воли ответила она, и сразу же её пальцы прижались к губам, будто пытаясь вернуть слова обратно.

– Можешь мне доверять, – сказала Алина уверенно, и в этих трёх словах было больше правды, чем в любых клятвах.

Вика упала на мягкую, уютную кровать, с пуховым объёмным одеялом, пахнущую чужим прошлым. В другой жизни она бы никогда… Но сейчас ей было всё равно. Полотенце соскользнуло на пол, шторы с шорохом закрылись.

Щелчок замка.

И тогда страх – острый, холодный – пронзил её: «Я теперь в настоящей ловушке. Если это милое создание расскажет обо мне брату, то в ближайшие часы я окажусь в полицейском участке и стану первой подозреваемой в убийстве бедного Фролова и его помощника. Меня станут допрашивать и выведывать, что произошло на яхте и тогда не видать Антареса, театра, главной роли и счастливой жизни. Полчасика посплю и вылезу в окно.

Полчаса, – шептали её губы. – Поспать только полчаса…и бежать».

Она не знала тогда, что эти полчаса растянутся на пять дней. Пять дней лихорадки, усиленной нервным потрясением; горячка и инфицированные ожоги довершили начатое, оставив её без сил. В редкие минуты просветления она открывала глаза, и взгляд её блуждал от старомодной люстры с двоившимися рожками до испуганного лица Алины с водой, с таблетками и мокрым полотенцем.

– Врача? – доносилось до неё сквозь жар.

– Нет, – качала она головой и тут же проваливалась в тяжёлый сон, где видела отрывки из своего детства: холодный деревянный настил общего душа, предрассветная мгла и ледяная вода из ведра, обжигающая кожу. И голос матери, безжалостный и уверенный: «Терпи, Вика. Станешь сильной. Никакие болезни тебя не возьмут».

Закалилась Виктория физически от этих процедур или нет сложно было сказать, но что её сила духа оказалась несгибаемой, можно было судить по тому, как через пять дней, она отреагировала на звуки мужского голоса за дверью.

Вика мгновенно села и настороженно прислушалась, а поняв, что разговор идёт про следователя мгновенно начала придумывать план побега. Голова кружилась и в ушах слышался шум, но в целом ей было гораздо лучше.

Опустив босые ноги на пол, Вика на носочках подошла к запертой двери и прильнула ухом к её прохладному полотну:

– Алин, – негромко звучал мужской баритон, мужчина явно что-то пережёвывал, – я сейчас иду на встречу с новым следователем. Он прибыл из центра, говорят толковый.

– Зачем тебе это надо? Всё равно дело не возобновят, – ответила Алина с раздражением.

– Глупости, если будут основания, то возобновят, – мужской голос на время затих, а потом прозвучал неуверенно, даже обречённо. – Знаешь, для меня очень важно докопаться до правды. Потому что происходит что-то невероятное. Я по ночам стал слышать шум в её комнате, будто она вернулась и ходит там, даже разговаривает. Кажется, я схожу с ума.

У Виктории и Алины, от этих слов, сердца на мгновение замерли в груди. Вика начала оглядывать комнату в поисках того, что можно надеть, а Алина постаралась успокоить брата и отвлечь его внимание от спальни матери, в которой она прятала незнакомую девушку:

– Ой, тоже мне, придумал. Это я решила, наконец убраться в маминой комнате, а то всё пылью да паутиной поросло. Ну ты фантазёр. И забудь про своего следователя, не представляю, что снова станут ворошить те страшные дни. Пройти опять все семь кругов ада, вспоминая по минутам, как она проснулась, во что оделась и что говорила, я не смогу. Пожалуйста, оставь эту затею. Всё бесполезно, маму уже не вернуть.

– Зря ты так думаешь. Говорят, детектив очень дельный. Сейчас ему, естественно, придётся заниматься этим странным происшествием с «Безмятежной», но потом я смогу его убедить помочь мне.

Вика, услышав название яхты, с которой ей с большим трудом удалось сбежать, вздрогнула и прижала руки ко рту, чтобы не вскрикнуть. Она припала глазом к замочной скважине, пытаясь разглядеть говорящего, но кроме широкой спины и светлых волос ничего не было видно. А Алина засыпала его вопросами:

– Что за «Безмятежная»? Это яхта или большой корабль? Что там произошло? Пожар или затонула?

– Точно никто не знает. Её нашли дрейфующей у маяка. Там не было ни команды, ни пассажиров, только кровь. Всё в крови, представляешь. Моряки такое говорят. Тебе лучше не знать.

Виктория не стала дослушивать. Мысль пришла внезапно и с пугающей ясностью: название на спасательной лодке, её внезапное появление – Алина без труда сложит эти факты.

Она бросилась к шкафу, схватила первое попавшееся платье – небесно-голубое, из тончайшего батиста, пропитанное ароматом лаванды. Чужая собственность не вызвала в ней и тени раскаяния. Легкие сандалии у изножья кровати оказались на размер больше, но в данной ситуации это было последним, о чем стоило беспокоиться.

У туалетного столика она на мгновение задержалась, провела расчёской по волосам и стянула их выцветшей бархатной лентой. Лента впилась в кожу, но боль была приятной, она напоминала, что Вика ещё жива.

Перед тем как открыть окно, взгляд её скользнул по фотографии в глянцевой рамке. Групповой снимок. Несколько лиц показались знакомыми, но она не стала вглядываться.

Если бы она тогда знала, как это важно…

Но времени на размышления не было.

Глава 5
Чужая роль

Берт, отдав последние наставления сестре, вышел на улицу, распихивая по карманам документы. Он собирался отправиться в полицейский участок и добиться встречи с новым следователем, но невольно свернул на аллею, ведущую в порт. Вот уже почти неделю сознательно или инстинктивно он старался разыскать девушку, которая разыграла его, написав на спине вместо своего номера телефона ничего не значащий набор цифр.

Мы редко ищем людей, жаждущих нашего внимания, но те, кто не хочет, чтобы их разыскали возбуждают наш интерес. Однако Берт не мог предположить, что все эти дни та девушка, в бреду и мучительной лихорадке, провела в его собственном доме. Но это неведенье только сыграло ему на руку, вместо разбирательств он теперь мог предаваться воспоминаниям.

Он совсем позабыл, что встретил её на той самой злополучной «Безмятежной» – все белоснежные яхты одинаковы для докера. А вот черты девушки он запомнил хорошо. Такие лица часто мелькают на открытках или старых фотографиях: чуть бледная кожа, высокие брови и крохотный рот, подёрнутый мрачной усмешкой. И в каждой позе какая-то застывшая элегантность и недоступность. Пару дней назад Берт обнаружил у себя в винограднике ленту, похожую на кусок шелковой косынки, которой девушка с яхты перевязала свои волосы, и он снова почувствовал горький привкус потери.

– Алинка! – закричал тогда Берт в гневе. – Ты что, не можешь убраться хорошенько в палисаднике?

– Поди сам прибери, если нужно, – недовольно закричала в ответ сестра, высунувшись в открытое окно летней кухни.

– Что это? – подойдя ближе и ткнув ей в лицо кусочек яркого шёлка, возмутился Берт.

Буквально на секунду Алина стушевалась, но потом выпалила:

– А это твилли. Наверное, ветром занесло.

Берт прицелился в сестру тяжёлым взглядом, не сулящим ничего хорошего, поэтому она затараторила ещё быстрее и громче:

– Твилли – ленты, тёмный ты человек, их завязывают на волосы или вместо браслета на руку, а можно и ручки сумки обмотать…

Сердце Алины подпрыгивало, как на батуте, опасаясь, что в это мгновение непрошенная гостья застонет в комнате матери. Шикарный лоскут ткани переливался на солнце и скорее всего свалился с волос беглянки, когда та возилась с надувной лодкой.

– Эти твилли придумали в компании Эрмес ещё в сороковые годы, – продолжала лепетать Алина, пытаясь забрать ленту из рук брата, но он молча сунул её в карман и вернулся к работе.

Сегодня по дороге в порт, Берт нащупал шёлковый лоскут в кармане и несколько раз повторил вслух: «Твилли…». Было ещё рано, он озирался кругом, как ищейка, идущая по следу. «Однажды эта девушка снова появится на берегу», – думал Берт, он чувствовал назревала буря и она была тому виной.

***

Виктория тем временем забрала свои вещи из камеры хранения и, расположившись на заднем сидении такси, направлялась в Антарес, сочиняя правдоподобную версию опоздания на целых шесть дней.

На кампусе, куда она прибыла спустя час, воскресный полдень напоминал разморённого ленивого путника, прикорнувшего после сытного обеда в тени финиковой пальмы. Пустые коридоры, распахнутые окна, еле слышные звуки тягучих аккордов джаза на втором этаже и неизвестно откуда доносившийся негромкий девичий смех.

334-я комната, выделенная Виктории находилась в конце коридора, как раз напротив двери в уютную общую кухню. Вика уверенно постучала и сразу вошла внутрь, затянув за собой огромный пластиковый чемодан на колёсах.

– О, Викуль! Ну, наконец! – воскликнула Нина, блондинка с курносым носом и крошечным ртом, уголки которого были чуть капризно загнуты вниз. – А я как раз таро разложила, чтобы узнать, куда ты подевалась.

– И что говорят карты? – целуя приятельницу, знакомую по многочисленным балетным конкурсам, осведомилась Вика и устало опустилась на аккуратно заправленную постель.

– О, они говорят… тут повешенный и… башня, тфу, – отозвалась девушка, поспешно складывая карты в колоду.

– Значит, всё очень плохо?

– Нет, ну что ты! Нужно вытащить пояснительные карты. Башня может значить перемены, в общем, для кордебалета сойдёт, а вот похудела ты так зря. Понимаю, легче прыгать и партнёру удобнее, но, по-моему, вместе с весом ушла и твоя красота.

– Чёрт с ней с этой худобой. Ты мне лучше объясни, причём здесь кордебалет? Что ты хотела этим сказать?

По всему было видно, что Вика заволновалась. Она схватила со стола Нинину бутылку с водой сделала несколько больших глотков.

– Потом поговорим о делах, ты вещи распакуй, – привыкшая видеть подругу первой красавицей любого общества, Нина не могла понять, рада она таким переменам в облике Виктории или ей все же её жаль.

– Ну нет, если начала, договаривай, – почувствовав лёгкое головокружение, настояла Вика и, придерживаясь за край стола, старалась скрыть своё состояние.

– Я знаю, это неприятно слышать, но ты так опоздала. Роли распределили в пятницу.

– Не может быть, – устало проронила Вика, обречённо повесив руки вдоль туловища. – Что ставим?

– Баядерку…

– Моя любимая роль! Я знаю всё до последнего па… – лицо Вики просияло, она вдруг воодушевилась, почувствовав неизвестно откуда взявшийся прилив сил, и стала энергично доставать вещи из чемодана. – Так что я сдаваться не намерена.

Нина еле сдержалась, чтобы не закатить глаза. Какое-то время она выстраивала фразу в уме, так чтобы подруга смогла как можно спокойнее пережить услышанное, но потом не выдержала и выложила все новости без прикрас:

– Ты, Вика, не всё знаешь. Маргарита Полякова здесь, и Двужильная тут же отдала ей главную партию.

Вика притихла. Она старалась переварить новость, не зная, что её больше шокировало, присутствие в Антаресе её главной соперницы Поляковой или то, что балетмейстером на предстоящий сезон назначили Зою Алексеевну Двужильную – бескомпромиссную, чопорную даму, с которой у Вики два года назад произошёл неприятный инцидент.

– Двужильная, – почти простонала она вслух, и тяжело вздохнув задумчиво уставилась в окно, – вот тебе и «повешенный».

– Да ладно, Викуль. Она, наверное, давно забыла тот скандал.

– Может быть и забыла, но как меня увидит – точно вспомнит. А хорошие новости есть?

– Конечно. На набережной открыли новый ночной клуб с рестораном. Одно название чего стоит – «Моя звезда». Публика – закачаешься, строжайший дресс-код, поэтому кого попало не пускают. Думаю, мы с тобой там сможем найти себе достойную партию. Потому что наши балетные парни, сама понимаешь… Так и ждут, кто их похвалит, да цветы подарит.

– Да, богатый покровитель мне бы сейчас не помешал, – безэмоционально ответила Вика и отправилась в душ, но у двери задержалась и обернувшись на приятельницу спросила, – а что оркестранты?

– Ну так себе. Интересных вариантов нет. Вот смотри, – листая фотографии на планшете начала рассказывать Нина, – худой как жердь с забавными кудряшками, это пианист – смешной до икоты, что ни слово, то анекдот. Лысый и толстый – альты, друзья не разлей вода, малолетки, с них нечего взять. Вот этот в очках, виолончелист Зорин, ну ты понимаешь – страшно смотреть. Так ещё умника из себя строит, вставляет на каждом шагу исторические справки, говорят, делает всё по строгому расписанию, ест, пьёт и даже в туалет ходит по графику.

– А этот? На героя из аниме похож. Кто он?

– Это Дима. Действительно, хорош собой, но гол, как сокол. Уж точно не стоит твоего внимания. У него телефон хуже, чем у моего деда, и в универ пешком ходит. Видимо, денег нет даже на автобус.

– Дима? – переспросила Вика.

– Дмитрий Соколов. Он на гитаре играет по вечерам в холле, песни поёт на собственные стихи, в общем, последний романтик.

– Не думала, что в симфоническом оркестре есть гитаристы.

– Нет, Дима – скрипач, а гитара так, для настроения.

– А что дирижёр? Ты про него ничего не сказала, – напоследок решила осведомиться Вика.

– Дирижёр – Григорий … Рыжий такой. Волосы длинные, ноги тонкие. На тумбочке своей подпрыгивает, руками машет и машет, так и кажется, что взлетит, – рассказав про дирижёра, Нина оглянулась на дверь и, понизив голос, продолжила, склонив голову к подруге. – Я вот что ещё про Полякову хотела добавить. Ты знаешь, почему она из-за границы вернулась? Её отец теперь здешний мэр.

***

Будильник звенел так долго и настойчиво, что телефон, вибрируя на тумбочке, в конце концов с грохотом упал на пол. Вика, не открывая глаз, нашла нужную кнопку, чтобы отключить, а потом, приподнявшись на локтях, глянула в сторону кровати Нины, удостовериться, что не разбудила её.

Первый день в Антаресе для Вики значил многое. Для начала, нужно было где-то раздобыть медицинскую справку, а потом уже показать настоящий фейерверк на утреннем классе. Она знала, что техника Поляковой идеальна, та делала каждое движение безупречно, но было в этой безупречности что-то заученное, и это был Викин шанс. Страсть, экспрессия, огонь – вот без чего не станцевать ни Кармен, ни Одиллию, ни Баядерку. И этот огонь у Вики был всегда, но не сегодня.

Она была абсолютно разбита, тело походило на ватное непослушное туловище тряпичной куклы. Вика наспех, кое-как стянула резинкой волосы и прямо в пижаме побрела на кухню варить овсянку. Нужно было хоть как-то вернуть силы ослабевшему организму. По пути взглянув зеркало, ужаснулась послеожоговым пятнам на щеках и, прикусив и без того не зажившие после горячки губы, пробормотала себе под нос:

– Фу, ужас, даже тонак не положить на это свежее мясо. Ах, мне бы ещё недельку, чтобы прийти в себя.

Уверенная, что на кухне в шесть утра никого нет, Вика прилепила на скулы и под глаза пару прохладных колец свежего огурца и взяв упаковку с овсяными хлопьями и молоко, распахнула дверь кухни.

Удар падающего ножа о кафельный пол прозвучал так резко, что девушка от неожиданности вздрогнула и замерла в неприглядной позе больного радикулитом. Она почему-то пригнулась и удивлённо открыла рот:

«Вот гадство, это же тот самый Соколов. Какого черта он здесь делает?», – пронеслось в голове, пока она быстро сдирала с лица прилипшие огурцы.

– Доброе утро! – поднимая упавший нож, поприветствовал её парень и по привычке оценивающе просканировал с ног до головы.

– Привет, – сухо ответила Вика, подумав, что в жизни этот Дима даже лучше, чем на фото с Нининого планшета.

Она подошла к плите и, поставив ковш с молоком на огонь, боковым зрением разглядывала парня, хлопотавшего у стола при приготовлении смеси для омлета. «Странно и почему это бедные чаще всего такие симпотные, – думала она, всыпав в молоко приличную порцию овсянки, – консервированные бобы на тарелку выложил так, ну прямо заправский шеф-повар, а пальцы какие тонкие, ухоженные…».

– Лучше помешивать, а то пригорит, – послышался ласковый баритон, возвращая Вику из мира грёз, она смутилась.

– Что?

– Я говорю лучше помешивать, а то молоко ко дну пригорит, вот возьми силиконовую лопатку.

– Спасибо, – ответила Вика, сто раз пожалев, что выглядит так плохо. – Значит, ты такой парень?

– Какой?

– Ну тип «хозяин» – надёжный, милый, домашний. Наверное, ещё и животных любишь.

– А какие, прошу прощения, ещё есть типы? – Дима многозначительно взглянул на собеседницу.

– Ещё есть «воин», «весельчак» и «творец».

– И кто же лучше, интересно узнать?

– Лучше принц на белом коне, – со вздохом ответила Вика.

– Такая большая, а все ещё веришь в сказки?

– Я тебе больше скажу, я не только в них верю, я их танцую: Одетту с принцем Зигфридом, Спящую красавицу с принцем Дезире. И так танцую, что после окончания спектакля люди тоже начинают верить в сказки. Но в жизни, ты прав, принцев я не встречала.

– Слишком тяжёлый разговор для шести утра.

– Да уж, лучше поговорим о еде, ты так красиво всё выкладываешь на тарелки, это как-то подозрительно.

– Привык, чтобы еда эстетично выглядела в кадре.

– В кадре? – удивилась Вика и её тёмные брови слегка вздрогнули.

– Меня Дима зовут, – быстро заговорил Соколов, стараясь придумать отговорку бездумно брошенной фразе про съёмки.

– Я Вика, – не поднимая своё обожжённое лицо от ковша с кашей, ответила девушка.

– А на счёт кадров, так это мама у меня всё мечтала кулинарную книгу выпустить, вот мне и приходилось снимать её работы, – соврал Дмитрий первое, что пришло в голову, и покраснел.

– И что, получилось?

– Нет, – ещё больше смутился Дмитрий, вспоминая маму-пианистку, которая готовить не любит, а съёмки и вовсе ненавидит.

– Издать книгу – это недешёвое удовольствие. Нам, бедным людям, такое не по карману, – ответила Вика и тут же прикусила язык, подумав: «Господи, что я несу? Какие бедные люди? Как неловко».

Дмитрия от её слов тоже бросило в жар. Первый раз его кто-то открыто назвал бедным. Он, конечно, сейчас экономил каждую копейку, в складчину с Зориным покупал продукты, ходил в бесплатные часы в тренажёрный зал, не ел в студенческом кафе и не пользовался услугами такси, но ему даже в голову не приходило, что люди так открыто будут называть его бедняком. Ещё больше он не ожидал, что это его так заденет.

Первым желанием было возразить этой девушке громко и настойчиво, как сделал бы всякий не до конца уверенный в собственной правоте. Потом Дима почувствовал, что задето его мужское эго, тогда ему захотелось показать девушке свой банковский счёт. Но всё это выдало бы неустойчивость его веры в то, что бедность духовная – вот истинная мука и позор. Вика же просто увидела на его лице смятение:

– Ой прости, я сморозила чепуху. Это я безнадёжная, даже завтрак сгорел, – стала оправдываться она, рассматривая коричневые разводы в каше.

Дмитрий тут же взял из её рук лопатку, но было уже поздно.

– Да, действительно сгорел, – констатировал он. – Но не расстраивайся, вот, возьми половину моего омлета, – протягивая Вике тарелку, предложил Дмитрий.

Ему захотелось вернуть себе утраченное достоинство, стать для этой измождённой девушки героем, может даже принцем. Осознание того, что вторая половина завтрака предназначалась Зорину, и сам он теперь останется голодным, наполнила его такой внутренней гордостью и сытостью, на который не был способен ни один продукт в мире.

Девушка казалась несчастной, даже можно сказать жалкой: с взлохмаченными волосами, в мятой выцветшей пижаме и с лицом в еле затянувшихся ранах. Она пыталась отказаться от его угощения, но Дмитрий настоял. В течение дня эта неловкая встреча на общей кухне всё не шла у него из головы, и он невольно стал думать, чем можно будет угостить эту девушку завтра.

– Соколов! Я, по-вашему, для чего здесь стою? – послышался голос дирижёра Григория Ломова, и Дмитрий понял, что задумался и отстал от оркестра.

– Извините, – опуская смычок проговорил он, внимательно всматриваясь в ноты.

– Так, двадцатиминутный перерыв, – укоризненно глядя на Диму, добавил Ломов и первым покинул репетиционный зал.

Тут же возле Дмитрия появился Зорин, протянув ему небольшую шоколадку:

– В медленной части это альты ушли вперёд.

– Нет, это я облажался.

– Да ну, не бери в голову. Мне кажется, во всём виноват пианист, я даже не знаю за кем следить, за ним или за дирижёром. Ладно, не переживай, придём домой, я сделаю тебе массаж воротниковой зоны, – поправляя очки, с серьёзным видом стал рассуждать Зорин, – это очень действенный способ усилить работу головного мозга и привести в порядок нервную систему.

– Мне только этого не хватало, – сунув шоколадку в рот, ответил Дмитрий и тяжело вздохнул, – мои нервы сейчас бы успокоил хороший секс.

От этих слов Зорин ярко покраснел, а Дмитрий громко расхохотался.

Десять лет назад

– Дима, почему я не слышу ни звука? Чем ты здесь занят? – послышался голос матери и на пороге возник утончённый силуэт красивой женщины с уставшим бесцветным взглядом. – Ты подготовил пьесу? Концерт уже через неделю.

– Да, мамочка, я как раз разбираю ноты, – ответил десятилетний Дима, молясь, чтобы мать не прошла в комнату и не заметила, что на пюпитре поверх нот стоит раскрытая книга Артура Конан Дойля «Приключения Шерлока Холмса».

Сердце бешено колотилось, на лбу выступили капельки пота, а когда женщина всё же сделала несколько шагов вперёд, Дима и вовсе был готов разрыдаться от стыда. Но она присела на край дивана и заговорила, понизив голос:

– Знаешь, Митенька, ты сейчас отложи ноты и отправляйся в кафе, что у нас внизу. Там дедушка Ваня тебя ждёт. Хочет поговорить по поводу подарка на Новый год, – женщина почему-то не смотрела в глаза сыну и теребила в руках платок, потом глубоко вздохнула и продолжила ещё тише. – Ты конечно же помнишь, что должен попросить новый инструмент. У тебя большой талант и нам нужна хорошая скрипка.

Дима знал, когда мама называет его Митей, то значит она волнуется. И сейчас должен был просто встать и исполнить её просьбу, но он почему-то заупрямился:

– Дедушка утром звонил, сказал, что ждёт не только меня, но и Борьку, а я не хочу с Борькой, он не настоящий его внук. И вообще, почему папа не хочет жить с нами? Почему он Борьку называет сыном? Это же я его сын!

Женщина слушала молча, но с каждым Диминым словом становилась всё бледнее и бледнее, а потом и вовсе отвернулась и украдкой вытерла катившуюся по щеке слезу. Мальчик разволновался, раньше он не догадывался, что мама так страдает из-за ухода отца. Она всегда держала себя спокойно и уравновешенно. Даже иногда говорила подруге, что теперь у неё больше времени для занятий музыкой.

– Ты что, плачешь? – вытаращив глаза растерянно промямлил мальчик и, желая успокоить мать, резко крикнул. – Никуда я не пойду! Не нужна мне их скрипка!

По пути он задел сборник с нотами, тот повалился на пол, а следом неуклюже приземлился и томик повестей Конан Дойля. Дима замер, хлопая ресницами, не находя слов оправдания, а Людмила Васильевна вдруг рассмеялась и крепко прижав к себе сына скомандовала:

– Давай, давай, отправляйся в кафе. Если есть возможность, грех ей не воспользоваться. Страдивари он, конечно, тебе не подарит, даже если бы и очень хотел, но Отто Бергер, размером ¾ нас вполне устроит.

В тот Новый год скрипки в подарок Дима не получил, потому что вопреки наставлениям матери попросил у деда видеокамеру, по примеру «ненастоящего» сына своего отца Бори и стал снимать короткие сюжеты из своей жизни. Занятия скрипкой он, конечно, не бросил, и даже стал прилежнее репетировать, поскольку всегда хотел порадовать маму. А камера и скрипка так и жили бок о бок в Диминой комнате, пока он из маленького Митеньки не превратился в знаменитого блогера DiMass, и параллельно в талантливого, но никому не известного скрипача.

Глава 6
Мелодия незнакомца

Здание следственного управления напоминало бетонный бункер – серое, непроницаемое, отчуждённое. Берт ощущал его холодную враждебность кожей, пока постовой в пятый раз повторял заученную фразу: «Записывайтесь через электронную очередь».

Он отступил, чувствуя горький привкус поражения. Прислонился к нагретой солнцем стене и достал телефон. На экране появилось фото майора Марата Чадова. Холодные глаза, собранность во взгляде, жесткая складка у губ. Человек-крепость.

«Хорошо, – подумал Берт. – Будем брать крепость осадой».

Он устроился на скамейке напротив, настраивая себя на длительное ожидание. Но судьба, как оказалось, была к нему благосклонна. Ровно в 13:00 дверь распахнулась.

Мужчина, вышедший на крыльцо, был точной копией своего фото – тот же безупречный костюм, та же собранность, то же холодное напряжение в плечах. Он говорил по телефону, и даже с десяти метров Берт чувствовал его раздражение.

Следователь достал пустую пачку сигарет, вдохнул табачный дух, демонстрируя жест человека, отчаянно нуждающегося в никотине, но не позволяющего себе слабость.

Ум Берта, поглощённый программированием и тайнами искусственного интеллекта, редко утруждал себя анализом окружающих. Однако следователя он понял мгновенно. Педант. Перфекционист. Бывший курильщик.

Он подошёл быстро, но не суетливо.

– Майор Чадов? Мне нужно с вами поговорить.

Холодный взгляд скользнул по нему.

– Записывайтесь на приём.

– Меня не пускают, – Берт сделал шаг вперёд, перекрывая путь. – И я бы не стал вас ждать, если бы это не было вопросом жизни и смерти.

Следователь попытался обойти его.

– У всех жизнь и смерть. Через канцелярию.

– Я не уйду. Буду дежурить здесь сутками.

Безразличие на лице Чадова застыло, ни один мускул не дрогнул. И тогда Берт произнёс тихо, с надрывом, который невозможно подделать:

– Вы когда-нибудь чувствовали настоящее отчаяние?

Что-то переменилось в каменном лице следователя. Он медленно обернулся, впервые по-настоящему взглянув на говорящего.

Коренастый парень в простой одежде. Уставшие глаза за стёклами очков. Сжатые кулаки. И главное – абсолютная, бездонная искренность.

Чадов молча продолжил оценивать его, считывая детали. Как привык делать с каждым человеком. Открытое лицо. Плечи, ссутуленные под тяжестью забот. Чистые, но поношенные ботинки.

«Не мошенник. Не псих. Реальное горе», – пронеслось в голове.

– У вас есть сорок минут, – резко сказал он. – Мой обеденный перерыв. Кафе через дорогу. И забудьте про «майора» и «товарища следователя». Марат.

Он ненавидел официальности почти так же сильно, как пустые пачки сигарет в своём кармане.

В кафе пахло выпечкой и жареным луком. Они заняли столик у окна. Молчание затягивалось, становясь тяжёлым, почти осязаемым. Наконец, Чадов поймал взгляд Берта и был поражён его открытостью. В этих глазах он не увидел ни тени лести или страха. Это был взгляд человека доброго и уверенного в себе. «С таким, – мелькнуло у Чадова, – обычно ищут дружбы, и, надо полагать, не без оснований».

– Ну, Роберт Никитин, – следователь отправил первую ложку куриного бульона в рот, – ваши сорок минут пошли. Начинайте с самого главного. И постарайтесь не разочаровать.

– Да, конечно, – Берту показалось, что он вот-вот запутается в словах. Он отставил чашку с кофе, облокотился о стол, сцепив пальцы в замок. Его взгляд скользнул по шраму, рассекающему правую бровь следователя. «Боевое ранение? Или что-то другое?» – мелькнула мысль. – Происшествие, о котором я хочу поговорить, случилось ровно год назад. Исчезла моя мать, Анна Сергеевна Никитина. Дело закрыли, списав на несчастный случай – утопление. Но я никогда не верил в эту версию. А теперь у меня есть доказательства, что следствие шло по ложному пути. Я уверен, что она жива. Просто… не может вернуться.

Он замолчал, сделал глоток крепкого кофе. Следователь медленно отложил ложку, его пальцы снова потянулись к пустой пачке сигарет в кармане. Знакомый жест нервного напряжения.

– Роберт, прежде чем вы продолжите, я задам вам один вопрос. Не как сыну, а как взрослому мужчине, способному трезво оценивать ситуацию: вы допускали мысль, что ваша мать могла не захотеть возвращаться? Причины могут быть разными. Все мы люди.

Берту захотелось вскочить, опрокинуть стул, сделать что угодно, лишь бы не видеть этого спокойного, аналитического выражения на лице следователя. Этот вопрос преследовал его месяцами, мучил по ночам. Да, он представлял себе разные варианты – новая семья, побег от рутины, даже жизнь отшельника где-нибудь в горах. Но каждый раз мысль упиралась в одно.

– Нет, – его голос прозвучал твёрже, чем он ожидал. – Никогда. Мама и моя сестра Алина… они были как одно целое. Она не могла бы просто оставить её. Ни за какие сокровища мира.

– Мы договаривались без эмоций, – следователь снова взялся за ложку, но его глаза не отпускали Берта.

– Хорошо, без эмоций. Но вы должны понять: да, маме всего сорок два, на момент исчезновения – сорок один. Она красивая женщина. Но это ничего не меняет. Она не ушла бы просто так. Оставить нас – это одно. Но оставить свой сад? Вы должны были видеть её розы. Она вкладывала в них душу. Каждый бутон был для неё как ребёнок. Укрывала их от мороза, боролась с вредителями… Это была её страсть.

– Стоп, – Марат поднял руку. – Давайте ближе к делу.

– Это и есть дело. Я хочу, чтобы у вас не осталось сомнений.

Берт умолк, сглотнув ком в горле. Марат внимательно смотрел на него, и в его взгляде появилось что-то новое – не просто профессиональный интерес, а глубокая, сосредоточенная серьёзность.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Расскажите всё. С самого начала. И не упускайте деталей. Особенно про розы. Иногда именно такие мелочи… – он не договорил, но Берт понял. – Допустим, версия о добровольном исчезновении отпадает, – Марат отодвинул тарелку, его взгляд стал тяжёлым, проницательным. – Тогда расскажите, как именно она утонула.

Берт откинулся на спинку стула, с силой потёр глаза. Когда он опустил руки, ресницы были влажными. Следователь жестом подозвал официанта, заказал стакан воды. Его собственный аппетит бесследно исчез.

– В прошлом году она познакомилась с моим научным руководителем, – голос Берта был напряжённым, но ровным. – Я тогда учился в магистратуре Антареса. Жданов почему-то понравился маме, и они стали встречаться.

– Какое отношение это имеет к делу? – брови Марата поползли вверх.

– Самое прямое. В тот день утром Жданов впервые за полгода зашёл к нам на завтрак, а потом якобы увез её на пляж. При том, что шторм был жуткий. Зачем? Непонятно.

– И там она утонула?

– По версии следствия – да.

– Ну, бывает, – Марат отвёл взгляд, его пальцы снова потянулись к пустой пачке сигарет. – Не стоило купаться в шторм.

– Вот в чём дело! Она не купалась! – Берт ударил ладонью по столу, заставив задрожать посуду. – Они просто шли по берегу. По версии Жданова – волна сбила её с ног. Она упала, а тут вторая волна… Он якобы не успел среагировать, когда её утянул тягун.

Марат резко выпрямился. Его лицо моментально покраснело, а шрам на брови проступил мертвенной белизной.

– Тягун? – его голос прозвучал как удар молота. – Что ещё за чёртов тягун? Вы мне голову морочите?

Берт уже лихорадочно рылся в телефоне, его пальцы дрожали.

– Вот, смотрите! – он протянул телефон следователю, тыча в экран. – Это реальное природное явление!

Марат скептически взглянул на экран, но его взгляд зацепился за научное описание. Берт, не дожидаясь, зачитал вслух, его голос звенел от напряжения:

– «Тягун – опасное прибрежное течение, направленное под прямым углом от берега в море. Скорость достигает трёх метров в секунду, сила достаточна, чтобы утянуть взрослого человека…»

Он вскочил, говоря всё громче, привлекая внимание других посетителей. Полностью забыв о просьбе следователя.

– Понимаете, Марат Осипович, вода с такой силой уходит обратно на глубину, что если ещё и шторм…

– Хорошо! – резко оборвал его Марат, окидывая взглядом заинтересовавшихся посетителей. – Успокойтесь и сядьте. Допустим, этот… *тягун* существует. Если всё было как вы описываете, в чём ваши сомнения? Ваша мать могла стать его жертвой.

– Да не могла она! – Берт швырнул салфетку на стол, его голос дрожал от бессилия. – Мы живём на берегу с детства. Мама плавала как профессиональная спортсменка. И она прекрасно знала, как выбраться из тягуна – сама нас с сестрой учила! Но это не главное… – он сделал глубокий вдох, пытаясь совладать с эмоциями. – Мне стало известно, что в четыре часа того дня она была жива. Жданов лжёт.

Следователь тяжело вздохнул, отодвинул тарелку с бефстроганов.

– С этого и нужно было начинать, – его голос прозвучал устало. – У вас осталось десять минут, Никитин.

– Хорошо, только слушайте! – Берт схватил со стола вазочку с увядшим цветком, жестикулируя ею. – Мама никогда не покупала мясо в магазинах. Только на рынке, у одного и того же мясника.

– Боже, – Марат провёл рукой по лицу. – Какое отношение это имеет к делу?

– Самое прямое! Мы годами ходили к нему. Он знал маму в лицо. Неделю назад я встретил его на вокзале, он вернулся после долгого отсутствия. И сказал, что видел её в тот день, около четырёх часов. И не одну, а с Немой.

Марат резко поднялся, отодвинув стул.

– Всё. Время вышло. Вы пытаетесь строить теорию на словах какого-то мясника, который полгода молчал? – его голос стал жёстким, профессиональным. – Роберт, вам нужна помощь психолога. Примите факт. И позаботьтесь о сестре, ей, уверен, не легче.

Не дав возможности возразить, он развернулся и направился к выходу. У дверей к нему присоединился коллега.

– Что, опять про ту утопшую? – кивнул коллега в сторону Роберта. – Надоел уже, парень.

– Рассказывает сказки про мясника и какую-то Немую, – буркнул Марат, на ходу поправляя манжеты.

– О, про Немую тут каждый второй байки сочиняет! – коллега хмыкнул. – Лучше бы делом занялся.

Марат кивнул, но на полпути не удержался и обернулся. Стеклянная дверь кафе медленно закрывалась. Стол, за которым они сидели, был пуст. Стул аккуратно задвинут. И на его спинке одиноко висела забытая джинсовая куртка – последнее доказательство того, что этот разговор вообще был.

Что-то ёкнуло внутри, то ли профессиональное чутьё, то ли давно забытое чувство человеческой жалости. Он резко остановился.

– Иди без меня, – бросил он коллеге. – Я… кое-что забыл.

Не слушая ответа, Марат развернулся и быстрыми шагами направился обратно к кафе. Его мозг уже анализировал детали: испуганные глаза Берта, дрожащие руки, слишком уж убедительное отчаяние. И главное – фамилия Жданов. Он ведь видел её в другом деле, в папке с пометкой «Неустановленные свидетельства».

«Чёрт, – подумал он, распахивая дверь. – Возможно, я только что совершил самую большую ошибку в своей карьере».

***

Утро Виктории Стронской было таким же безнадёжным, как и дела Берта. Балетный зал встретил её запахом дерева, пота и боли – знакомым ароматом её повседневной жизни. Она заняла место у центрального зеркала среди других солисток, стараясь не смотреть на своё изуродованное отражение. Но избежать его было невозможно.

Когда в зале появилась Двужильная, кровь в висках Вики застучала африканскими барабанами. Но она не дрогнула. Гордо подняла подбородок, выше – как учили в балетном училище, когда боль становилась невыносимой, улыбка должна оставаться идеальной.

– Доброе утро! – голос Зои Александровны прорезал воздух.

Бывшая балерина, а ныне балетмейстер, напоминала изящную цаплю, которая забыла, что больше не может летать. Её шелковый топ облегал худое тело, а глаза, выцветшие от времени, видели всё – каждую фальшивую улыбку, каждый неточный жест, каждый спрятанный страх.

– О! Стронская собственной персоной, – холодная улыбка скользнула по её лицу. – Опоздавшим и отстающим – место у правой палки.

«Правая палка» – деревянный станок для тех, кого уже списали. Для тех, чьи лица и тела больше не годились для первых рядов. Вика молча прошла к указанному месту, слыша за спиной шепоток:

– Уродина!

Слово прозвучало как пощёчина. Но худшее было впереди. Во время репетиции её будто не существовало, ни в кордебалете, ни в сольных партиях. Она стала призраком в этой труппе.

На перерыве к ней подошла Нина, её соседка по общежитию. В руках она держала полотенце – белоснежное, словно стерильный бинт.

– Не переживай так, Викуль, – прошептала она. – Всё наладится.

Но прежде, чем Вика успела ответить, перед ней возникла Полякова. Её глаза сузились до опасных щёлочек.

– Ну что, Стронская, допрыгалась до кордебалета? – её голос был лезвием, режущим по живому.

Полякова схватилась за тонкую золотую цепочку на шее Вики:

– Здесь тебе и место.

Резкое движение, и цепочка впилась в кожу, оставив на шее тонкую кровавую полоску.

– Ах ты, гадина! – Вика стирала кровь с шеи, но Полякова уже уходила, её смех эхом разносился по залу.

Нина прижала полотенце к ране подруги, и тихо, почти шёпотом проговорила, с жалостью заглядывая в её глаза:

– Тебе стоит сходить к Жданову. Ты же знаешь, он здесь, как кардинал при дворе. Попросись хоть во второй состав. Скажи, что готова на роль Гамзатти, если не на Никию.

– Убила бы её, – выдохнула Вика, всё ещё чувствуя жгучую боль на шее.

– Не говори глупостей. Иди к Жданову. Его кабинет в главном корпусе.

Вика хотела отказаться, сказать, что добьётся всего сама. Но зеркало напротив показало ей правду – шрамы на лице, пустота в глазах. И она поняла, что гордость – это роскошь, которую она больше не могла себе позволить.

Главный корпус Антареса возвышался как храм. Мраморные полы, портреты великих учёных, тишина, нарушаемая лишь эхом шагов.

Кабинет Жданова находился в самом конце коридора. Массивная дубовая дверь с табличкой «С.И. Жданов. Проректор по научной работе».

Вика замерла перед ней, внезапно осознавая всю абсурдность своей миссии. Что она могла предложить человеку, который вращался среди городской элиты? Изуродованное лицо и надломленную карьеру?

Её рука дрогнула, но она уже стучала. Три раза – чётко, как когда-то выбивала дроби на сцене.

Дверь открылась бесшумно. В глубине кабинета стоял мужчина лет пятидесяти, с лицом аристократа и глазами хищника. Он держал в руках раскрытую книгу и нехотя повернул голову.

– Да? – голос был мягким, но в нём чувствовались стальные нотки.

Вика сделала неуверенный шаг вперёд, ощущая, как от напряжения на шее, под золотой цепочкой, снова выступили капельки крови.

– Профессор Жданов? Я хотела с вами поговорить. По поводу… роли в «Баядерке».

– Заходите.

Дверь закрылась за её спиной. Тишина кабинета поглотила её, как вода тонущий корабль.

Жданов не предложил ей сесть. Он медленно обошёл свой рабочий стол, его пальцы скользили по полированной поверхности, как у опасного зверя, охраняющего свою территорию.

Он остановился напротив, взгляд – холодный, безжалостный скальпель – медленно и методично оценивает её: поношенные балетки, старая лента в волосах, шрамы на лице и самое главное – отчаяние в глазах. Он впитывал это, как губка.

– Ну-с, Стронская, – его голос тихий, почти бесстрастный, и от этого ещё более жуткий. – Вы что-то хотели сказать. Я весь внимание.

Вика, подавив ком в горле, начала сбивчиво говорить о «Баядерке», о втором составе, о том, что готова на любую роль, лишь бы танцевать. Она упомянула свои прошлые заслуги, свою технику.

Жданов слушал не перебивая. А когда она замолкла, выдохнувшись, в кабинете повисла тягостная пауза. Он медленно, с театральным разочарованием покачал головой.

– Неужели, – язвительные нотки в его тоне больно задели гордость девушки, – вы всерьёз полагали, что я, Семён Иванович Жданов, опущусь до того, чтобы покровительствовать вам? Так пошло.

Он сделал шаг вперёд. Вика инстинктивно отступила.

– Вы что, думаете, искусство, тем более искусство балета, – это благотворительность? – его голос стал крепче, в нем зазвучало презрительное недоумение. – Место в «Баядерке»? Вам? Сейчас?

Он усмехнулся.

– Вам нужно было следить за внешностью, Стронская. И за дисциплиной. Талант, каким бы ярким он ни был, – он сделал паузу, чтобы его слова повисли в воздухе, – не терпит такого наплевательского отношения. Он хрупок. Он требует жертв. Постоянных. А вы… – его взгляд снова скользнул по её шрамам, – вы свою жертву принесли явно не на алтарь искусства.

Он развернулся и отошёл к окну, словно глядя на что-то очень интересное во дворе, демонстративно показывая, что разговор окончен, и она больше не стоит его внимания.

– Теперь я не могу вам помочь. Вы один на один с этим. Со своим провалом. Примите это. И не тратьте больше моё время.

Эти слова звучали как приговор. Окончательный и обжалованию не подлежащий. В них не было злости, не было эмоций, только констатация факта, от которой кровь стыла в жилах. Он не просто отказывал ей. Он стирал её как артистку. Как личность. Он говорил ей, что она – ничто, и помощи ждать неоткуда.

Вика стояла несколько секунд, парализованная. В ушах звенело. Она не помнила, как вышла из кабинета, как спустилась по лестнице. Она просто шла, а в голове стучала только одна фраза, как набат: «Вы один на один с этим».

Она выскочила на улицу и направилась к морю. Увидев крутой спуск, ускорила шаг, потом побежала выкрикивая в воздух:

– Что делать? Что мне теперь делать? – не замечая ничего вокруг, она рыдала во всё горло, а когда вспомнила, происшествие на яхте в страхе пронзительно завопила. – Они же найдут меня, а если не они, то полиция!

Она бежала. Каменная лестница, узкая и крутая, словно вырезанная в скале самой природой, уходила вниз, к морю. Каждый шаг отдавался в её висках, каждый камень под ногами виделся последним препятствием перед пропастью. Её мысли были там, внизу, где волны бились о скалы, где вода была такой холодной и безмятежной, что обещала забытьё.

Казалось, выхода нет и смысла в этой никчёмной жизни тоже нет, и она бросилась к воде, ступая босыми ногами на мокрый прибрежный песок!

Но тут из воды, словно из самой морской пучины, появился молодой человек. Он фыркал, отряхивая мокрые волосы, и, выходя на берег, заметил Вику, которая стояла на краю, вся в слезах. Фигура её, сгорбленная и дрожащая, казалась такой хрупкой, что он, не раздумывая, крепко схватил её за руку.

– Вика!? – его голос прозвучал резко, почти испуганно. – Ты что здесь делаешь?

– А тебе какое дело? – с трудом переводя дыхание, выкрикнула она, пытаясь вырвать руку. – Отстань, Соколов, не до тебя сейчас!

Но он не отпускал. Его руки, сильные и уверенные, обхватили её за талию. Он поставил её перед собой, словно пытаясь вернуть к реальности:

– Постой, если ты решила утопиться с горя, так нужно камень привязать к шее, а то через пару секунд всплывёшь как поплавок.

– Придурок, – еле слышно отозвалась Вика, но в её голосе уже не было прежней злости. Она всхлипнула и стукнула его кулаком в грудь. – Мокрый весь, одежду мне замочил.

– Ну, в море, я думаю, ты намокла бы больше, – парировал он, всё ещё удерживая её одной рукой, ожидая, когда она успокоится.

И только после того, как дыхание её стало ровным и остановился град слёз, Дмитрий отступил на шаг в сторону.

– Ну что стряслось? – приглашая присесть на балийский плетёный коврик, расстеленный на песке, произнёс он с участием.

– Что, что. Лицо моё стряслось! – выпалила Вика. – Видел, какие язвы и шрамы? Все летит в тартарары. Да ещё и опоздала на неделю и теперь не станцую Баядерку.

– Ну и ладно, – пожал он плечами, пытаясь снять напряжение, – по-моему, в конце Баядерка должна умереть. Кому нужна роль мертвяка?

– Много ты понимаешь. Это должна была быть моя звёздная роль, – проговорила Вика, глядя на нервную рябь моря, – а теперь я чувствую себя так, будто у меня отняли будущее. Его больше нет!

– Глупости, – сказал он, его голос был твёрдым, но не лишённым тепла.

Я думаю, у тебя впереди ещё много сольных ролей и без Баядерки.

– Как у тебя всё просто! – вдруг начала распаляться Вика. —Ты ведь никогда не был Примой. Сидишь там в своей оркестровой яме, пиликаешь на скрипке, точно так, как и двадцать других скрипачей. А моё место заняла Марго, противнейшая девица. Ну ничего, я ей ноги вырву, не зря у меня пять сестёр, будет знать, как становиться у меня на пути.

– У тебя пять сестёр?

– Да, – Вика горько усмехнулась, – и все потенциальные невесты по маминому разумению. Наш дом напоминает проходной двор женихов. Мама считает, что главное в жизни – удачно выйти замуж, желательно за богатого. «Красота пройдёт, а деньги останутся» – её любимая поговорка. И знаешь, сейчас я готова с ней согласиться. Будь у меня богатый муж, я бы не умоляла о жалкой роли в кордебалете. Я бы уехала и, к примеру, открыла свою школу танцев.

– Вика, не думаю, что богатый муж – то, на что стоит полагаться.

– Да что ты об этом знаешь?

Дима отвёл взгляд, но внезапно продолжил:

– Вот у меня, богатый отец, но нам с мамой от этого мало радости. Я был совсем пацаном. Пришёл из школы, а дома странная тишина. Мама стоит у окна, бледная. А отец собирает чемоданы. Я стал спрашивать, куда он уезжает, а он громко сопел и не мог ответить. А когда направился к двери наконец произнёс, что теперь будет жить в другом месте. И тут меня понесло. Я стал рыдать, помчался за ним следом, вцепился в пиджак и стал умолять остаться. Обещал хорошо учиться, прилично вести себя. Хватал его за ноги, отнимал чемоданы. Пока мама не остудила мой пыл одной фразой: «Не унижайся!». Как же я потом корил себя за эту слабость. Чем становился старше, тем позорнее себя чувствовал. Тысячу раз прокручивал эту ситуацию, придумывал нужные слова и очень стыдился, что тогда не мог сдержать отчаяние.

– А сейчас?

– Сейчас уверен, что стыдиться не мне нужно было, а отцу, что бросил нас с мамой и завёл другую семью, чужого мальчишку стал сыном называть. Нас никогда не поддерживал, хотя деньги у него были. Так что богатый муж – это ненадёжно и даже унизительно.

– Но что же мне делать, Дима? – её голос дрогнул. – Танцы – это всё, что у меня есть. А теперь и этого нет.

– Ты есть! Этого вполне достаточно, – твёрдо сказал он.

– Чего вы так раскричались, вас слышно за версту, – раздался голос Зорина словно внезапный порыв ветра, бесцеремонно прервавший их душевный разговор. Он присел рядом прямо на песок и поставил у ног пакет со связкой спелых ароматных бананов.

Дмитрий медленно перевёл на него взгляд, в его глазах мелькнула холодная усмешка. Он уже хорошо знал Зорина, его патологическую расчётливость, маниакальное стремление контролировать каждый грамм и каждую копейку.

– Угостишь девушку? – бросил Дмитрий, намеренно растягивая слова. Ему было почти интересно, как Виктор будет выкручиваться.

– Вообще-то, Дим, – его голос стал низким, назидательным, словно он обращался к нерадивому ученику, – это не просто *бананы*. Это 487 миллиграммов калия, 27 миллиграммов магния и суточная доза витаминов группы В нам с тобой на два дня, – он сделал паузу, давая цифрам осесть в воздухе. – Я всё рассчитал. Ты же в курсе моей системы. – Его взгляд упал на Вику и стал почти клиническим. – И потом. Бананы слишком калорийны для балерин.

Дмитрий едва сдержал улыбку. Он знал, что Зорин не упустит возможности прочитать лекцию о правильном питании, даже посреди пляжа и на фоне Викиных разбитых надежд.

– Ну и что? – поддел он, наслаждаясь моментом. – Один банан её не убьёт. Или ты боишься, что она съест твою драгоценную норму калия.

Зорин фыркнул, но, после небольшой паузы, нехотя достал из пакета один банан. Протянул его Вике.

– На, – сказал он, его голос звучал так, будто он совершал великую жертву. – Только не говори потом, что я тебя испортил.

Вика взяла банан, её глаза блеснули от смеха. Она посмотрела на Зорина, потом на Дмитрия, и не смогла сдержать улыбку.

– Спасибо, Виктор, – её голос звучал искренне, но с лёгкой долей иронии. – Я постараюсь не растолстеть от одного банана.

Дмитрий, наблюдая за этой сценой, уже рассмеялся в голос. Он знал, что за внешней строгостью Зорина скрывается человек, который всегда готов помочь, даже если это противоречит его принципам, а Зорин между тем продолжал:

– Вам, мадмуазель, не стоит ходить без шляпы с полями или хотя бы кепки с козырьком, если следы от ожогов загорят, то пигментные пятна останутся навсегда.

Дима быстро протянул ей бейсболку с эмблемой университета:

– Знаешь, Вика, к словам Зорина стоит прислушаться. Он живёт с бабулей, которая работала в детской поликлинике.

– Это заметно.

– Ну, есть немного, – засмеялся Дмитрий.

Зорина это не смутило:

– И вот что я вам ещё посоветую, – продолжил он тоном опытного врача. – Намазать незажившие раны мазью, которая способствует образованию грануляционной ткани. Она вмиг всё заживит. Правда, такие лекарства дорогущие.

– Ух ты, – глаза Вики загорелись искорками надежды, но затем она потупила взор и грустно добавила, – жаль, что денег у меня всё равно нет.

Дмитрий, оживился. Он готов был купить все мази на свете, и найти самого дорогого врача для Вики, но, сунув руки в карманы, вспомнил, что никакой банковской карточки с миллионами там нет, а только потрёпанная купюра достоинством в 500 рублей. Он умоляюще взглянул на Зорина:

– Мы должны что-то придумать!

– Я знаю, как можно подзаработать, – голос Зорина прозвучал тихо, но с острым оттенком авантюры, – отправимся в горы, где казино, и выступим перед отдыхающими. Там тусят одни толстосумы.

– Отличная идея! – голос Вики прозвучал неожиданно твёрдо, в нём не осталось и следа от отчаяния. Она будто сбросила с себя роль жертвы, и в её глазах вспыхнул тот самый огонь, что когда-то зажигал сцену.

– Только, чур, моей бабушке ни слова! – резко добавил Зорин.

Дмитрий молча наблюдал за метаморфозой Вики. Всего полчаса назад она была раздавленной и потерянной. Теперь в её глазах горел свет, который говорил больше любых слов. Она

была готова. Готова бороться, готова идти вперёд и доказать, что даже после падения можно подняться.

Ветер, гулявший по пустынному пляжу, теперь дул им в спины, подталкивая вперёд, к шоссе, уходящему в туманные предгорья. Рокот моря оставался позади – глухой, отдалённый саундтрек к старой жизни. Впереди же была слепая зона. Но они уже сделали выбор. Трое против всех, кто попытается их сломать. И в этой хрупкой, внезапной солидарности таилась новая, непроверенная сила.

Глава 7
Импровизация

Дмитрий, Вика и Зорин ворвались в кампус, как ураган, всего на пятнадцать минут. Вика успела переодеться, ребята схватили инструменты, и уже через час электричка, скрипя колёсами и постукивая на стыках рельсов, уносила их прочь от шумных улиц города в сторону отметки 650 метров над уровнем моря.

Мысли Дмитрия были далеко, в мире цифр и графиков. Он то и дело тыкал в экран телефона, проверяя, как ведёт себя криптовалюта и что происходит с его депозитом. Он уже видел себя к лету с состоянием, которое позволит ему купить то, о чём он мечтал годами, – скрипку Страдивари, Страдивари Хаммера. Для него это был не просто инструмент, а символ успеха, воплощение его амбиций.

Вика, сидя рядом, молча наблюдала за ним. Её взгляд скользил по его лицу, пытаясь угадать, о чём он думает. Она даже не догадывалась, что Дмитрий большую часть своей жизни жил в мире, где всё измеряется цифрами, просмотрами, лайками. И что у него уже было всё, о чем может мечтать обычный человек.

Вика устала слушать нудные речи Зорина:

– Виктор, как тебе только удается в обычных соснах и кипарисах видеть научные труды по ботанике и литературе?

– Пейзаж – это ландшафт нашей души, Вика, – поэтично закатывая глаза ответил Зорин и пнул ногой по кроссовку Дмитрия. – А ты о чём думаешь, Дим?

– А я надеялся, что мы поедем безбилетниками и станем убегать от кондуктора из вагона в вагон. Хотел снова почувствовать себя шпаной, но с тобой Зорин я всё больше и больше чувствую себя стариком.

– Ничего, у тебя ещё будет такой шанс. Денег на обратные билеты у нас нет. Так что мы должны заработать не только на лекарства для Вики, но ещё на проезд.

– И на еду. Страшно есть хочется, – вставила Вика, а потом обратилась к Дмитрию, прикрывая экран его телефона рукой, чтобы он обратил на неё внимание.

– Соколов, а ты уверен, что это сработает? – спросила она, слегка наклонившись вперёд. Её голос звучал тихо, но в нём чувствовалось напряжение. – Уличные артисты… Это же не просто. Нужно что-то особенное, чтобы люди остановились, захотели слушать.

Дмитрий взглянул на неё, улыбнулся и убрал телефон в карман.

– Всё просто, – беззаботно произнёс он, ведь однажды его уже любили миллионы, – людям нужно зрелище. Эмоции. Мы сыграем что-то яркое, что-то, что зацепит. Начнём с мелодий Виктора Цоя, а когда образуется толпа слушателей дадим им самую попсовую классику, например, Времена года Вивальди. Это все любят.

– Ты прав, – сказал Виктор. – Но важно не только, что мы играем, но и как. Уличная музыка – это не концерт в зале. Это разговор с прохожими. Они должны почувствовать, что ты играешь для них, а не для себя. Это должно быть искренне.

– Искренне? – Дмитрий рассмеялся. – Ты думаешь, люди на улице ищут искренность? Они хотят зрелища. Эмоций. Я сыграю так, что у них мурашки пойдут по коже. Уверен, нас ждёт успех и куча денег!

Он думал, заработать на улице не сложнее, чем получить донат.

Но Дмитрий ошибался. Успех, конечно, был. Их выступление привлекло внимание, заставило прохожих остановиться, задуматься, улыбнуться. Но деньги, ради которых они играли, – редко падали в футляр виолончели.

Площадь, окружённая ресторанчиками и уличными кафе, была полна жизни. Отдыхающие, сытые и довольные, прохаживались туда-сюда, наслаждаясь вечером. Их взгляды цеплялись за музыкантов, их уши ловили звуки, но руки оставались в карманах, а кошельки закрытыми.

Вика стояла рядом, теребя ремешок кожаной сумочки. Её сердце билось в такт тревоге, которая пульсировала в воздухе. Она затаила дыхание, вглядываясь в лица прохожих, в надежде, что они поощрят артистов, но тщетно. Она знала, что Дмитрий затеял всё это ради неё, не ради той проклятой мази, которая стоила целое состояние, а ради того, чтобы доказать ей, что не всё кончено. Её сердце сжалось от благодарности и боли.

И тогда она начала танцевать.

Простенькое платье, лёгкие туфли – ничего особенного. Но её движения! Они были словно огонь, зажигающий воздух вокруг. Каждый жест, каждый поворот тела говорил о чём-то большем, чем просто танец. Это была история, рассказанная без слов, история, которая заставляла сердца биться чаще.

Людей становилось всё больше и больше. Они собирались вокруг, толпились, аплодировали. Кто-то кричал «браво!», кто-то свистел, все смотрели на Вику, как заворожённые.

Дмитрий тоже смотрел, и что-то внутри него перевернулось. До этого он видел в ней только жертву – израненную, несчастную девушку, которую жизнь жестоко покалечила. Он испытывал к ней жалость, смешанную с желанием защитить. Это было простое, почти отеческое чувство.

Но сейчас… Сейчас он смотрел на неё и не мог отвести глаз.

Это было другое существо. Существо из огня и воздуха. Жалость испарилась без следа. Её место заняло новое чувство – острое, щемящее и тревожное.

Вика, закончила танец, остановилась, тяжело дыша. Её глаза блестели, а щёки горели. Она улыбалась. Она была счастлива.

– Ну что, – спросила, подходя к Дмитрию, – сколько набрали?

Он молча показал на футляр. Вика заглянула внутрь и вздохнула.

– Ладно, – сказал Зорин, закрывая футляр. – Пойдём.

– Слушайте, я не привык сдаваться, – вдруг оживился Дмитрий, хватая Вику за руку. – Здесь неподалёку частный сектор, и в одном из особняков сегодня точно вечеринка. Я видел, как в ту сторону – он кивнул на дорогу к самой высокой горы в округе – ехали машины с диджейским оборудованием и пиротехникой. Там будет жарко, это точно.

– Откуда ты знаешь такие тонкости? – удивился Зорин, поправляя очки. Его голос звучал скептически, но в глазах мелькнул интерес.

– Неважно, – отмахнулся Дмитрий, уже шагая к намеченной цели. Его движения были быстрыми и решительными, как будто он уже видел себя в эпицентре вечеринки. – Погнали.

– И кто нас туда пустит? – поинтересовался Зорин, с трудом поспевая за друзьями. Тяжёлая виолончель давила ему на спину, заставляя сутулиться. – Мы же не в списке гостей, если что.

– Просто скажем, что пришли выступать, – уверенно бросил Дмитрий, указывая на инструменты. – У нас же есть всё, что нужно. Виолончель, скрипка, и Викин талант – мы идеально впишемся. Они даже спасибо скажут.

Слова прозвучали так легко и естественно, будто это была самая разумная идея на свете. Но для Вики они значили куда больше. «И Викин талант». Она мысленно повторила эту фразу, и что-то тёплое разлилось у неё внутри, и лёгкая, почти неуловимая улыбка тронула её губы.

Найти место вечеринки оказалось проще простого. Яркие огни, громкая музыка и смех разносились по округе, как маяки, ведущие к цели. Шеренга дорогих автомобилей и байков, выстроившихся вдоль дороги, казалась бесконечной.

– Уверен, что это хорошая идея? – спросила Вика, сияя одновременно от восторга и волнения.

– Нет! – Подмигнув ей, ответил Дима.

Он пальцами причесал длинный чуб, снял джинсовую куртку и стал подворачивать и без того короткие рукава футболки, выставляя напоказ округлые бицепсы, но, поймав на себе удивлённый взгляд Вики, снова натянул куртку и ускорил шаг.

Через пару минут они оказались у ворот, за которыми гремела музыка и смех, а рядом стоял высокий мужчина в чёрном костюме и с наушником в ухе. Его взгляд был холодным и оценивающим.

– Вы кто? – спросил он, скрестив руки на груди.

– Музыканты, – уверенно сказал Дмитрий, указывая на виолончель и скрипку. – Нас пригласили выступить.

Охранник медленно оглядел их, затем кивнул в сторону Вики:

– А девушка?

– А д-девушка танцует. Балерина. – Неожиданно вставил Зорин слегка заикнувшись.

– Ладно, проходите.

Вика еле сдержалась, чтобы не закричать от радости. Она взяла Дмитрия под руку и заговорщически прошептала:

– Соколов, ты просто гений! А Витя то, Витя как вмешался, настоящий рыцарь: «Д-девушка танцует», – передразнила она Зорина и уверенно прошла в открытую калитку.

Мир вокруг мгновенно изменился. Это был не просто дом – это словно был особняк голливудской звезды, где царили блеск и роскошь, где каждый человек казался сошедшим с обложки глянцевого журнала. Дима почувствовал, как сердце учащённо забилось, а в горле запершило. Этот мир, знакомый до боли, окутал его, как наркотик, пробуждая воспоминания, от которых хотелось одновременно кричать и смеяться. Рука сама потянулась к телефону – один жест, и он снова среди них: богатых, знаменитых, беспечных. Но тут Вика, с набитым канапе ртом, потянулась за крошечным кексом с изюмом.

– Эй, стоп! – резко схватил он её за руку, возвращая десерт на место.

– Да ладно, один укус! – она надула губы. – Я обожаю изюм.

– Это не изюм, а кое-что другое, – сквозь зубы процедил он. – И тебе это не нужно.

Дима предложил друзьям пройти во двор, где грохотала музыка, а пробки от шампанского взлетали в небо, как фейерверки. Вика сразу же направилась к бару у бассейна, Зорин, заметив гриль, предложил Дмитрию пройти туда. Но Дмитрий вдруг побледнел, как будто увидел призрак. Он уже было развернулся, чтобы уйти, но услышал этот голос – сладкий, жеманный, невыносимо знакомый. Макс, парикмахер-визажист из Москва-Сити стоял перед ним.

– Божечки мои! – замахал он наманикюренными руками, увешанными кольцами и браслетами. – Absolute fire! Кто бы мог подумать, что ты здесь объявишься, да ещё с и новой пассией!

Дима почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он огляделся: вокруг были те, с кем он когда-то делил вершины рейтингов. Блогеры, звезды соцсетей, короли хайпа. Раньше он был одним из них. Лучшим из них. А теперь?

– Привет, – сдавленно произнёс он, озираясь. – Кто ещё из наших здесь?

Он не понимал, чего боялся больше: встречи с бывшими друзьями или того, что Вика и Зорин увидят его в этом кругу и поймут, что он притворяется бедным, скрывая своё прошлое. А Макс тем временем продолжал:

– Егор здесь, Коробка с 55 этажа, ну и, конечно, Ленчик. Она-то тебя и приметила, представляешь? И наше с тобой преображение не помогло. Узнала тебя даже со спины. А то, что ты с девушкой, её вообще выбило из колеи. Пошла опрокинуть пару шотов текилы.

Дима почувствовал, как под ложечкой засосало. Он знал, что Ленчик – это не просто бывшая. Это была бомба, которая могла взорваться в любой момент. И он был уверен: сегодняшний вечер закончится катастрофой.

Он хотел как можно быстрей уйти, но Лена возникла перед ним словно из-под земли. Она стояла в нескольких шагах, её глаза горели, как угли. На ней было платье, которое, казалось, стоило больше, чем весь электропоезд, доставивший его на эту вечеринку.

– DiMass, – произнесла она, её голос был сладким, как яд. – Как жизнь? Слышала, ты теперь не в тренде. И причёска дурацкая.

– Ленчик, – сглотнув произнёс он, стараясь сохранить спокойствие. – Не ожидал тебя встретить.

– Ах, ты ещё притащил с собой эту дурацкую скрипку, зачем? Уж не собираешься ли здесь выступить? – она засмеялась, но в её смехе не было радости. – Ты думаешь, твою противную музыку кто-то захочет слушать?

В этот момент Лена достала телефон и направила камеру на Дмитрия.

– Друзья, смотрите, кто здесь! – её голос звучал театрально. – Бывший блогер-миллионник, а теперь… кто ты теперь, Дима?

Дима почувствовал, как гнев застилает ему глаза. Он шагнул вперёд и закрыл камеру рукой.

– Лена, хватит, – сказал он твёрдо. – Оставь меня в покое.

– Ой, а что случилось? – она фыркнула, но в её глазах читалось разочарование. – Боишься, что твоя новая жизнь станет достоянием общественности? Все думают, ты в рехабе.

– Я сказал, хватит, – повторил он, его голос стал тише, но в нём появилась угроза.

Лена на мгновение замерла, потом убрала телефон и, не прощавшись, пошла прочь. Её платье шуршало, как змея, а тонкие каблучки соскальзывали с отполированных камней, которыми был вымощен двор.

Дима обернулся чтобы позвать Вику и Зорина, Виктор стоял неподалёку, засовывая в карман пакетики с сырными крекерами. Дима схватил его за рукав, резко потянул к себе, глаза его метались по сторонам, словно ища невидимую угрозу.

– Всё, уходим отсюда. Нас засекли. Где Вика?

Зорин, все ещё не понимая расстройства друга, ответил с лёгкой улыбкой:

– Постой, я тогда сбегаю к бассейну за гамбургером для тебя. Ты же ничего не съел. Ты бы видел, там уже такое началось…

– Какой к чёрту гамбургер?! – взорвался Дмитрий. – Я спрашиваю, где Вика?

– Она пошла с твоей знакомой туда, к огням.

– Со знакомой?

– Ну да, с той, с которой ты разговаривал. Я думал, ты в курсе.

– Чёрт, Зорин! Мы влипли! Иди к выходу! Нет, лучше сразу на автобусную остановку. Там встретимся, – крикнул Дмитрий, и, не дожидаясь ответа, рванул в сторону огней, выстроенных в две параллельные линии у подножья горы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.